

ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

**ДОНИШГОҶИ ДАВЛАТИИ ОМУЗГОРИИ ТОҶИКИСТОН
БА НОМИ САДРИДДИН АЙНӢ**

Бо ҳуқуқи дастнавис

УДК 981.550-3

САЛИМИЁН ОЗАР САИДЗОД

**МАФҲУМИ «ҒАМ» ВА ОМИЛҶОИ ҒАМБРАНГЕЗ ДАР МАСНАВИЁТИ
МИРЗО АБДУЛҚОДИРИ БЕДИЛ**

АВТОРЕФЕРАТИ
диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии
номзади илмҳои филологӣ

Ихтисос: 10.01.01 – Адабиёти тоҷик

ДУШАНБЕ - 2021

Диссертатсия дар кафедраи адабиёти тоҷики Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав ба анҷом расидааст.

Роҳбари илмӣ:

Тағоймуродов Рустам Ҳакимович, доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи адабиёти тоҷики Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав

Муқарризони расмӣ:

Саидҷаъфаров Озод Шовалиевич, доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи забони тоҷикии Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон

Муҳаммадиев Шамсиддин Муродович, номзади илмҳои филологӣ, ходими пешбари илмии шуъбаи таърихи адабиёти Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Муассисаи тақриздиханда:

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров

Ҳимояи диссертатсия «б» майи соли 2021, соати 13⁰⁰ дар чаласаи Шӯрои диссертатсионии 6D. КОА – 028–и назди Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ (734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 121) баргузор мегардад.

Бо матни диссертатсия дар китобхона ва сайти **www. tgpu.tj.-и** Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ шинос шудан мумкин аст.

Автореферат «__» _____ соли 20__ фириастода шуд.

Котиби илмии Шӯрои диссертатсионӣ,
н.и.ф., дотсент:

Мирзоалиева А.

ТАВСИФИ УМУМИИ ДИССЕРТАТСИЯ

Мубрамият ва зарурати интихоби мавзӯи таҳқиқот. Абулмаонӣ Мирзо Абдулқодири Бедил (1644 – 1721) аз бузургтарин намоёндагони сабки ҳиндии адабиёти форс-тоҷик ба шумор меравад. Масъалаи омӯзиши рӯзгору осори Мирзо Абдулқодири Бедил дар Тоҷикистон ва ҳавзаи форсизабонони ҷаҳон то андозае таҳқиқи худро ёфта бошад ҳам, то ҳол дар осори ӯ масъалаҳои дастнохӯрда хеле зиёданд, ки баррасии мавзӯи ғам ва авомили барангезандаи онро метавон яке аз онҳо қаламдод кард.

Дар нигоҳи нахуст чунин ба назар мерасад, ки мавзӯи ғаму андух бастагӣ ба равоншиносӣ дорад ва онро бо адабиётшиносӣ рабт додан шояд хилофи дастур бошад. Аммо қовишҳои илмӣ нишон медиҳанд, ки домани таҳқиқи адабиётшиносӣ васеъ аст ва ҷанбаи равоншиносӣ низ ба худ касб кардааст. Барои тақвияти ин иддао намунаи зиёде аз мақолоти олимони Русияву Эрон, аз ҷумла, Тоҳира Мирзоӣ ва Мустафо Гурҷӣ [88]¹, Маҳдии Шарифиён [147], доктор Ғафурӣ [70], Мустафо Гурҷӣ, Фотима Кӯпо, Муҳаммадризо Қуҳандонӣ [67], Алиризо Араб [52], Степанова М.А. [185], Перевезентсев С.В. [178], Зорин К. [217], Николаева Е.Г. [230] ва дигаронро овардан мумкин аст, ки самти қорашон марбут ба қовиши мавзӯи ғам дар адабиёт аст.

Пажӯҳишгари эронӣ Маъсума Худододи Меҳобод чунин менависад: «Равоншиносӣ ва адабиёт, бешак, иртиботи тангтанге бо якдигар доранд. Яке аз ин ҷиҳат, ки ҳар матни адабӣ зодаи як зехни халқ ва ба навъе як офариниш аст, ки аз дарун ва зехни офаринандааш баромадааст, пас метавонад бозгӯи ҳолати равоии нависанда ё шоираш бошад. Дигар он ки ҳар матни адабӣ, ба вижа дoston, муташаккил аз қаҳрамон ва дигар шахсиятҳо мебошад ва бисёре аз мунтақидон ва ҳатто сабқшиносон муътақиданд, ки қаҳрамони аслии дoston инъикос ва бароянде аз зиндагии худ нависанда аст. Пас, дар бисёре аз осори адабӣ метавон аз тариқи асар нақбе ба зиндагӣ ва равони адиб зад» [226, 8].

Тафсири адабиёт ба маънои илме, ки дар бораи фазилатҳои ахлоқӣ ё парҳез аз бадихо баҳс мекунад, аз қадим маълум аст ва домани таҳқиқи он дар шинохти тафовути назму наср, равиҳои адабӣ, вазни арӯз ва сохтори танпӯшаҳо мунҳасир намешавад. Яке аз вижаҳои он бозтоби ҷаҳони ботинии инсон, баёни ғаму ҳасрат, шаклирии андеша, маниш ва воқуниши фард ба воқеаҳои талху ширини рӯзгор аст. Шинохти ботинии инсон аз дидгоҳи адабиёт, ки нақши илми инсонпажӯҳиро ба дӯш дорад, дар ин раванд бо қовишҳои илми равоншиносӣ тобишҳои ҳамгун пайдо мекунад.

Масоили дигаре, ки пайванди адабиётро бо равоншиносӣ таъмин мегардонанд, омӯзиши рафтор, ҳисси шодиву ғам, таҳайюл, таҳайюҷ ва заъфу тавонмандии инсон аст. На танҳо ҳолати ботинии қаҳрамонони ин ё он асари бадеӣ, ки дар раванди густаришҳои ҳодисот майл ба тақомулу таҳаввул дорад, балки таҳайюл ва таҳайюҷи офаринандаи асар низ ба донишҳои равоншиносӣ берабт нестанд. Ба гунаи мисол, шинохти илмии мафҳуми “илоҳа”, “илҳом” ё худ “шайтони шеър”, ки аз он шоирони Юнони қадим ва араби аҳди ҷоҳилия дар ашъори худ ёд мекарданд, метавонад барои равоншиносӣ ва адабиёт заминаи муштараки таҳқиқ фароҳам биёрад.

¹ Рақами дохили қавсайн ишора ба китобномаи диссертатсия ва саҳифаи адабиёти истифодашуда аст.

Равоншинохтии ҳолатҳои дарду ғам, иштиёқ, ҳасрат ва дигар авотифи инсонӣ ба хоҳири ошноии бештар бо замири қаҳрамонони асар, ки бароянде аз ҷаҳони ботинии худ нависанда ё шоир доранд, дар қарни нуздаҳум ба илми равоншиносии адабӣ поя гузошт ва Зигмунд Фрейд-равоншиносии австриягӣ бунёдгузори он шинохта мешавад. Дар ин шеваи таҳқиқ ҳолати ботинии адиб, ранҷу андуҳи нухуфта ва тахайюли ӯ мавриди омӯзиш қарор мегирад, чаро ки асар ё матни навишташуда инъикоси айнии он ба шумор меравад.

Муаллифи мақолаи «Чехраи равоншиносии адабиёт», муҳаққиқи рус Степанова М.А. се воҳиди равоншиносиро дар адабиёт зикр менамояд, ки онҳо нигарониҳо, аъмол ва маниш (характер) мебошанд. Степанова М.А. ранҷҳои нигарониро дар ҷойи аввал гузошта, андешаи Л.С. Виготскийро меорад, ки бо дарназардошти он нигаронӣ воҳиди содатарини омӯзиши шахсият ва муҳити ихотакардаи ӯ мебошад. Муҳаққиқ барои исботи комилтари муддао ҷумлаеро аз қиссаи «Зигмунд Фрейд»-и нависанда С. Свейг пешорӯи хонанда мегузорад: «Шахсияти як фард на бо кумаки формулаҳои яхзада, балки тариқи омӯзиши нақши пой нигарониҳо, ки қисмат барояш фиристодааст, дарк мешавад» [185, 112].

Таҳқиқи дарду ранҷ ё ғаму ҳасрати инсонӣ, ки забони нависанда ва шоир онро шакл мебахшад, дар илми равоншинохтии адабӣ ҷойгоҳи хос дорад ва масоили мазкур аз ҷониби пажӯҳишгарони ин риштаи таҳқиқ дар Ғарб мавриди кӯшишҳои доманадор қарор гирифтаанд. Шояд бо ҳамин далел бошад, ки аввалин касони дар ҳавзаи илмии форсизабонҳо ба равоншинохтии адабӣ дастзада рӯ ба осори афроде овардаанд, ки дар ҳолати душвор ва мураккаби рӯҳӣ умр ба сар мебарданд. Чунончи, мавриди таҳқиқи Сируси Шамисо ва Ҳусайни Поянда дар самти зикршуда асарҳои нависанда Содик Ҳидоят буданд.

Пажӯҳишҳо дар мавзӯи ғаму дард аз он шаҳодат медиҳанд, ки мафҳумҳои зикршуда аз оғози тамаддуни башарӣ нақши намоён дар осори хаттӣ доранд ва ба ҷуз асарҳои бадеӣ, фалсафӣ ва шифоҳии фарогири ҳаёти дунявӣ, дар кутуби илоҳиву мазҳабӣ низ ҳузури густардаеро соҳиб мебошанд. Шеър, хусусан шеъри форсӣ, даст дар дасти олиҳаи ғам по ба арсаи вучуд гузоштааст ва агар касе бихоҳад, ки ғамҳои ишқӣ ва ирфониро аз он бардорад, латма ба азамати он ворид гардида, кам чизе барои мутолиа боқӣ мемонад. Ғаму дарди дар ашъори шоирон бозбобаштаро муҳаққиқон ба ҷараёнҳои иҷтимоӣ, фарҳангӣ, сиёсӣ, ишқӣ заминиву ирфонӣ, эътиқодӣ, фалсафиву ҳикматӣ ва дур мондан аз ормонҳои фардиву миллӣ побаст намудаанд.

Умуман, мавзӯи ғам дар осори адибон, бо вучуди он ки дар адабиётшиносии ҷаҳон аз таҳқиқи зиёд бархӯрдор аст, дар кишвари мо ҳанӯз пажӯҳиши ҷашмгир надорад ва адабиётшинос Худой Шарифзода зимни як баррасии иҷмолӣ дар мақолае бо унвони «Ҳасратномаи шоирон» ба ин масъала ишорат намуда, изҳор кардааст: «Таманно дорем, ки дари баҳсу таҳқиқи ин мавзӯ дар адабиёти тоҷик боз гардад ва арзиши адабию бадеии онро барои хонандаи имрӯза ва эҷодкорони оянда равшан намоянд» [146, 187].

Дар осори Мирзо Абдулқодири Бедил, ки аз бузургтарин шоирони адабиёти форсу тоҷик ба шумор меравад, мафҳуми ғам аз ҳар мафҳум ва мавзӯи дигар ҷилваӣ бештар дорад. Ба хусус, дар маснавиёти Бедил ин мафҳум дар хилоли мазмунсозии шоир бо тобишҳои гуногун ба назар мерасад.

Дар диссертатсияи худ мо кӯшиш ба харҷ додаем, ки дари баҳсу таҳқиқи мавзӯи ҳасрату ғамро боз намоем ва ба қадри тавони худ атрофи пахлуҳои

мухталифи ин мавзӯ дар маснавиҳои Мирзо Абдулқодири Бедил нуктаи назари худро баён созем.

Дарачаи омӯзиши мавзӯ. Дар бораи рӯзгор ва эҷодиёти Бедил тазкираҳои соли таълифшон ба замони зиндагии шоир наздик, ба монанди «Тазкираи Насрободӣ»-и Мирзотоҳири Насрободӣ, «Миръот-ул-хаёл»-и Шералихони Лудӣ, «Калимот-уш-шуаро»-и Муҳаммадфзали Сархуш, «Ҷамешабахор»-и Қшанчандни Ихлос, «Миръоти воридот»-и Муҳаммадшафъ Вориди Техронӣ, «Сафинаи Хушгӯ»-и Биндрабандоси Хушгӯ, «Сарви озод» ва «Хизонаи омира» - и Мир Ғуломалии Озод, «Риёз-уш-шуаро»-и Алиқулихони Вола ва «Маҷмаъ-ун-нафоис»-и Сирочиддин Алихони Орзу маълумот додаанд. Муҳаққиқони рӯзгори Бедил дар қовишҳои худ бештар ба ҳамин тазкираҳо таъя менамоянд. Тазкираҳои дигаре, ки баъдтар таълиф шудаанд, ба мисли «Тазкираи беназир»-и Абдулвахҳоби Ифтихор, «Сухуфи Иброҳим»-и Алӣ Иброҳимхони Халил, «Хулосат-ул-афкор»-и Абӯтолибхони Исфохонӣ, «Наштари ишқ»-и Ҳусайнқулихони Азимободӣ, «Натоич-ул-афкор»-и Қудратуллои Гупомӯй ва «Шамъи анҷуман»-и Муҳаммадсидиқи Ҳасанхон аз он ҷиҳат дар бедилшиносӣ аҳамияти дувумдараҷа доранд, ки бештар маълумоти тазкираҳои қаблан иншошударо такроран дарҷ намуудаанд.

Халилуллоҳи Халилӣ дар рисолаи «Файзи қудс» доир ба рӯзгор ва осори Бедил маълумоти муфассал дода, баъзе аз маълумоти зикркардаи тазкиранависони пешинро зимни муқоиса бо «Чаҳор унсур», ки нигорандаи он худи Абулмаонист, зери шубҳа қарор медиҳад. Асари навиштаи ӯро метавон хидмати шоёне дар баррасии осор ва рӯзгори Бедил донист. Лозим ба қайд аст, ки Халилӣ ба ҷуз рисолаҳои дар боло зикргардида аз «Мураққай Дехлӣ» ном рисола, ки ба қалами Зулкадр Даргоҳқулихон Солорчанги Хонидаврон тааллуқ дорад, ёд мекунад ва соли итмомашро 1151-и ҳиҷрӣ медонад. Ин муаллиф нахустин касест, ки аз баргузории урси Бедил дар сари қабри шоир ёд кардааст [134, 76]. Аммо Халилуллоҳи Халилӣ ягона касе нест, ки ба дурустии баъзе маълумоти овардаи тазкираҳо шак оварда бошад. Донишманди тоҷик Бобобек Раҳимӣ дар китоби арзишманди худ «Ошноӣ бо Бедил» бо чандин далели муътамад дуруст будани қисмате аз маълумоти тазкираҳоро рад менамояд.

Шарҳи ҳаёт ва эҷодиёти Бедил дар адабиётшиносии тоҷик бо кӯшиши устод Садриддин Айнӣ [50] оғоз гардида, баъдан як зумра шоирону пажӯҳишгарон, аз ҷумла Раҳимӣ Б.А. [108], Д. Тоҳирӣ [130], Ҳ. Иброҳимов ва М. Муҳиддинов [78], Мирзо Одина [106], Бахтиёр Ҷамдамов [138] ва Нуралии Нурзод [103] навиштаҳои худро пиромуни осору рӯзгори Абулмаонӣ дар шакли китоб ба нашр расонидаанд. Ҷамҷунин, дар матбуоти даврӣ мақолаҳои А. Сатторзода [121], О. Бухорӣ [60], Ш. Ҳусейнзода [142], Н. Нурзод [104], Б. Раҳимӣ [110], З. Ғаффорова [67], Т. Нозимов [102], М. Аҷамӣ [55] ба таъб расидаанд, ки фарогири ҳамин мавзӯ мебошанд. Дар ин миён аз таҳқиқоти донишманди узбекистонӣ Ш. Шукуров низ бояд ёд кард, ки дар баробари чандин мақолаи илмӣ-таҳқиқотӣ рисолаи доктории худро ба таҳқиқи пахлуҳои гуногуни рӯзгор ва осори Мирзо Бедил бахшидааст [192].

Муҳаққиқони афғонистонӣ ба мисли Салоҳиддини Салҷуқӣ [116], Нурулҳасани Ансорӣ [54], Ғулом Сарвар [118], Халилуллоҳи Халилӣ [134], Муҳаммадиброҳими Халил [133] ва Абдулғафури Орзу [107] низ дар мавзӯи бедилшиносӣ таҳқиқоти арзишманде ба дасти чоп додаанд. Саҳми бедилшиносони покистонӣ доктор Абдулғанӣ [71], Хоча Абдуллашид [45] ва аз муҳаққиқони Ҳиндустон Шиблии Нуъмонӣ [105] дар муаррифии рӯзгору осори Абулмаонӣ

қобили зикр аст. Аз пажӯҳишгарони эронӣ дар самти бедилшиносӣ метавон аз таълифоти Шафеии Кадканӣ [79], Аҳмад Гулчини Маонӣ [84], Абдулхусайни Зарринқуб [74], Ҳасани Ҳусайнӣ [141], Муҳаммадқай Баҳор [59], Забехулло Сафо [122], Муҳаммадхусайни Баёт [56] ва Вораси Кирмонӣ [61] ёдовар шуд.

Дар баробари осори таҳқиқии номбаршуда, ки аксаран ба қалами адабиётшиносони ҳирфай тааллуқ доранд, масъалаи ҷаҳонбинии фалсафии Бедил файласуфони зиёдеро чи дар дохил ва чи дар хоричи кишвари мо ба худ машғул доштааст. Дар собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ андешаҳои фалсафии Бедил аввалин бор аз ҷониби академик И. Муминов [175] мавриди таҳқиқоти алоҳида қарор гирифтааст. Донишманди мазкур дар баробари таҳлилу баррасии назари фалсафӣ ва ақоиди сиёсиву иҷтимоии Бедил мухтасар дар бораи таъсири ӯ ба адабиёти бадеии тоҷику узбек андешаҳои баён кардааст. Минбаъд файласуфони тоҷик Баҳоуддинов А. [160], Содикова Н. [182] ва дигарон осори гуногуни Бедилро аз нуқтаи назари фалсафӣ мавриди таҳқиқ қарор додаанд. Азбаски мавзӯи кори илмии мо ба фалсафа низ робитаи қавӣ дорад, мо дар ҷараёни таҳқиқ аз андешаву афкори ин донишмандон истифода кардаем.

Бо вучуди таваҷҷуҳи зиёд ба ҷанбаҳои гуногуни эҷодиёти Бедил, ҳанӯз барои омӯзиши мавзӯи ғам ва омилҳои он дар осори ӯ кӯшишҳои ҷашмигире сурат нагирифтааст. Умуман, баррасии ғаму ранҷ дар осори шоирону нависандагон аз мавзӯҳои камтаҳқиқии адабиётшиносии тоҷик ба ҳисоб меравад, аммо дар ҳавзаи форсибадон навиштаҳои зиёдеро вобаста ба самти мавриди назар пайдо кардан имкон дорад, ки мо намунаи онҳоро болотар зикр намудем.

Дар ҳавзаи илмии русзабонҳо низ дар самти раваншиносии адабии ғаму ранҷ теъдоди зиёди донишмандон ба кӯшишҳои илмӣ даст задаанд ва дар раванди таҳқиқ корҳои илмии донишмандон И.Вертолева [210], И.Волостних [211], Д. Колесова [222], К. Зорин [217], С. Перевезентсев [178], Е. Николаева [230], А. Недува [177], М. Степанова [185], Г. Горланов [212], Л.Чеснокова [190] ва Ч. Найное [229] мавриди мутолеаи мо қарор доштанд.

Аз махсусиятҳои таҳқиқоти пажӯҳишгарони рус дар мавзӯи ғаму андух метавон бар ин нуқта ишора кард, ки онҳо аз асарҳои нависандагону шоирони худ ба ҷустуҷӯи «падидаи ғами русӣ» падохтаанд ва барои он ҳувиятро қойил шудаанд. Чунончи, муҳаққиқ Перевезентсев Сергей Вячеславович дар мақолаи худ «Падидаи ғами русӣ» менависад: «Маълум аст, ки ҳолати ғамро ҳар як инсон, новобаста аз наҷоду мазҳаби худ, аз сар мегузаронад. Бо вучуди ин ҳисси ғам нишонаҳои миллӣ ҳам дорад» [178, 3].

Ба ҳамин тартиб, бо вучуди дар адабиётшиносии тоҷик мавқеъи надоштаниш, таҳқиқи мавзӯи ғам намунаҳои зиёде дар адабиётшиносии ҷаҳон дошта, қисмате аз ин таҳқиқот барои мо ба сифати манобеи назарӣ хизмат кардаанд.

Ҳадаф ва вазифаҳои таҳқиқ. Ҳадафи асосии кори илмии мазкур таҳқиқи баррасии мафҳуми ғам ва авомили ғамбарангез дар маснавиҳои Мирзо Абдулқодири Бедил мебошад. Барои расидан ба ин ҳадаф дар диссертатсия масъалаҳои зерин мавриди пажӯҳиш қарор гирифтаанд:

- баррасии ҷойгоҳи ғам дар адён ва асотир;
- муайян намудани назари донишмандон ба мафҳуми ғам;
- таҳқиқи мафҳуми ғам дар осори адибони форсигӯ;
- таҳлилу баррасии мавзӯи ғам дар маснавиҳои Бедил ва ғоятшиносии онҳо;
- маснавиҳои Бедил ва дастабандии ғам дар онҳо: ғамҳои раво ва нораво, ғамҳои гурезпазир ва гурезнопазир;

- мавқеи носталжӣ ё ғаму ҳасрати гузашта дар маснавиҳои Бедил.
- баррасии омилҳои ғамбарангез дар маснавиҳои Бедил ва ғоятшиносии онҳо.

Равиши таҳқиқ ва заминаи назарии он. Асоси назарӣ ва методологии таҳқиқоти мазкурро усулҳои таҳқиқи муқоисавию таърихӣ, татбиқӣ, қиёсӣ ва дигар усулу равишҳои таҳлили матни адабӣ ташкил додаанд. Ҳангоми навиштани диссертатсия афкори назарӣ ва таҳқиқоти донишмандони ватанию хоричӣ, аз қабили Абдулҳусайни Зарринқуб [73,74,75,76], Маликушшуаро Баҳор [59], Бадеуззамони Фурӯзонфар [132], Забеҳуллоҳи Сафо [122, 123,124], Қосими Ғанӣ [63], Шафеии Кадканӣ [79,80], Ҳасани Ҳусайнӣ [141], Халилуллоҳи Халилӣ [134], Рейнолд Николсон [101], Евгений Эдуардович Бертелс [158,159], Садриддин Айнӣ [50], Шарифҷон Ҳусейнзода [142], Худой Шарифзода [146], Абдунабӣ Сатторзода [121], Абдулманнони Насриддин [95,96,97,98] ва дигарон ба назар гирифта шудааст.

Навгонии илмӣ таҳқиқ дар он зоҳир мегардад, ки бори аввал дар адабиётшиносии тоҷик мафҳуми ғам дар маснавиҳои Мирзо Абдулқодири Бедил мавриди таҳқиқу баррасӣ қарор мегирад. Бо вучуди он ки мафҳуми ғам аз серистеъмолтарин истилоҳоти шеъри форсӣ аст, то ба имрӯз барои таҳқиқу баррасии густардаи ин мавзӯ дар осори адибон аз тарафи адабиётшиносони тоҷик кӯшиши ҷиддие ба назар намерасад. Диссертатсияи мазкур чун нахустикдом саҳифаи наверо дар адабиётшиносии тоҷик боз карда, ғановати онро таҳким хоҳад бахшид.

Сарчашмаҳои таҳқиқ. Диссертатсия дар заминаи осори Бедил, ба вижа маснавиҳои «Тилисми ҳайрат» [11], «Тӯри маърифат» [11], «Муҳити аъзам» [11] ва «Ирфон» [12] таълиф гардидааст. Зимнан осори илмӣ, таҳқиқотӣ ва фалсафиву адабие, ки дар бахши китобномаи диссертатсия зикр шудаанд, мавриди истифода қарор гирифтанд. Осори адабии шоирони ҳамаср ва ҳамсабки Бедил низ муҳимтарин манбаъҳои истифодашуда мебошанд.

Аҳамияти илмӣ-назариявӣ таҳқиқ дар он зоҳир мегардад, ки натиҷаҳои бадастомада ҳангоми таҳқиқу баррасии масъалаҳои гуногуни адабиётшиносӣ, аз ҷумла зимни омӯзиши масоили равшаншинохтӣ осори адабӣ, мусоидат хоҳанд кард.

Диссертатсия барои муҳаққиқоне, ки минбаъд ба пажӯҳиши ҳамин гуна масъалаҳои асарҳои бадеӣ иқдом менамоянд, маводи фаровони назарӣ дода метавонад. Инчунин, натиҷаҳои таҳқиқ барои пур кардани ҷои холие, ки дар адабиётшиносии муосири тоҷик мавҷуд аст, мусоидат намуда, барои таҳқиқи минбаъдаи масоили равшаншиносии адабиёти бадеӣ роҳ ҳамвор мекунад.

Аҳамияти амалии таҳқиқ дар он аст, ки маводи онро метавон ҳангоми таълифи фаслҳои гуногуни китобҳои дарсӣ ва дастурҳои таълимӣ, инчунин мақолаву рисолаҳои илмӣ ҳамчун манбаъ истифода бурд. Инчунин натиҷаҳои бадастомада барои донишҷӯёни риштаи филологӣ зимни таълими курсу семинарҳои таҳассусӣ ҳамчун маводи лексионӣ ва машғулиятҳои амалӣ хидмат карда метавонанд.

Нуктаҳои асосии ба ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Ғам ҳамчун ҳолати равонии инсон ҳанӯз аз даврони қадим мавриди таҳқиқу омӯзиш ва баҳсу мунозираи намоёндагони улуми диниву дунявӣ қарор дошта, дар устураву ривоёти бостонии мардуми ҷаҳон низ ба сифати мавзӯи меҳварӣ хидмат кардааст.

2. Шеъри форсӣ-тоҷикиро ҷудо аз ғам тасаввур кардан номумкин аст ва ҳузури он дар осори ҳар як шоири пешин ва ё имрӯз мушоҳида мегардад.

3. Дар осори Мирзо Абдулқодирӣ Бедил, аз ҷумла дар маснавиёти ӯ, мавзӯи ғам аз мавзӯоти асосӣ ва меҳварист.

4. Аз нигоҳи фалсафаи ирфонӣ дар маснавиҳои Бедил дарду ғами инсон ба ду гурӯҳ: раво ва нораво ва ё мамдӯҳу мазмум чудо мегардад. Ба гурӯҳи аввал ғамҳое дохил мешаванд, ки инсон ба хотири заъфу нотавонии худ дар қорҳои хайр ба он рӯ ба рӯ мегардад ва ғамҳои нораво ғамҳоеянд, ки инсон ба хотири рифоҳи дунявӣ беш аз ҳадди кифоят ба он гирифта мешавад.

5. Дар қорҳои эҷодии Бедил ғамҳои гуногуни инсонро метавон вобаста ба иродаву ихтиёри инсон ду навъ: гурезпазир ва гурезнопазир ба қалам дод. Ғамҳои марбут ба сарнавишт, ғами таъмини маишати рӯзгор, мочароҳои барҳоста аз ихтилофи ақоид ҷузъе аз ғамҳои зиндагӣ ҳастанд, ки гурез аз онҳо имкон надорад. Аммо аз ғамҳои гурезпазир, ки ғами набудани сармоя, заъфи бадан, коҳилӣ, нодорӣ ва надоштани ҷойи муносиб дар ҷомеа намунаи онҳоянд, метавон бо талошу ҳаракат ва гоҳе дигар қардани масири зиндагӣ раҳой ёфт.

6. Аз мутолиаи маснавиҳои Бедил бармеояд, ки омилҳои гуногуне инсонро ба ғам мувҷеҳ месозанд. Ноадолатҳои иҷтимоӣ, нодорӣ ва дармондагӣ, ҳирсу тамаъ, тақлидкорӣ, ишқ, аҷзу нотавонӣ ва қирдорҳои ношоиста аз ҷумлаи онҳоянд.

Қорқард ва татбиқи амалии натиҷаҳои таҳқиқот. Диссертатсия дар ҷаласаи кафедраи адабиёти тоҷикӣ Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав (қарори №4 аз 30.11. 2019) ва ҷаласаи сексияи адабиётшиносӣ Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ Тоҷикистон ба номи Садрӣдин Айнӣ (протоколи № 29 аз 22. 04. 2020) муҳокима ва ба ҳимоя пешниҳод шудааст. Мазмуни асосии диссертатсия дар як монография ва 7 мақолаи илмӣ баён гардидааст, ки аз ҷумлаи онҳо 4 мақола дар нашрияҳои тавсиянамудаи ҚОА-и назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ҚОА-и Вазорати маориф ва илми ФР нашр гардидаанд. Ҳамчунин масъалаҳо ва хулосаҳои асосии диссертатсия дар конференсияҳои илмӣ ҳайати профессорону омӯзгорони Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав (2016-2019) дар шакли гузоришҳо баён карда шудаанд.

Соҳтори диссертатсия. Диссертатсия аз 180 саҳифаи ҷопи компютерӣ иборат буда, муқаддима, се боб, хулоса ва китобнома дар бар мегирад

МУҲТАВОИ МУХТАСАРИ ТАҲҚИҚОТ

Дар муқаддимаи кори диссертатсионӣ муҳиммияти мавзӯи таҳқиқ, дараҷаи омӯзиши он, ҳадаф, вазифа, навғониҳои таҳқиқ, сарчашмаву манобеи истифодашуда, усулҳои таҳқиқ, асосҳои методологии он ҳамроҳ бо нуктаҳои асосии ба ҳимоя пешниҳодшаванда зикр шуда, арзиши амалӣ ва назарии кори илмӣ баён гардидааст.

Боби якуми диссертатсия «**Баррасии ҷойгоҳи ғам дар адён, асотир ва илму адаб**» ном дошта, аз се бахш иборат аст. Бахши аввал «**Ҷойгоҳи ғам дар адён ва асотир**» ном дошта, ба таҳқиқи собиқаи мавзӯи мазкур дар асотир, дин ва илму адаби халқу миллатҳои гуногун бахшида шудааст.

Аз пажӯҳиши амиқи мавзӯи маълум мегардад, ки ғам аз замонҳои хеле пеш дар тамоми осори хаттиву шифоӣ мавқеи намоён доштааст. Бо аввалин намунаҳои ғаму дард дар осори адабию динии Юнон, Ҳиндустон ва Эрони қадим дучор меоем. Масалан, дар миёни суханони Буддо, ки ҳамчун дастури ахлоқӣ ба бисёре аз забонҳо тарҷима шудаанд, бо чунин ҷумла рӯ ба рӯ мешавем: «Ашқхое, ки аз ҳасрат ба хотири ин зиндагӣ аз дидаҳо ҷорӣ шудааст, агар қатароташ чамъоварӣ мешуд, тамоми дарёҳоро пур мекард, мазолик, инсонии бечора то зинда аст, боз ҳам бояд ашқ бирезад» [111, 38]. Чизи ҷолибе, ки дар равияҳои дигари фалсафai Ҳинди қадим, масалан санкхя, ба назар мерасад, ин аст, ки ғаму андуҳро муштамил бар се навъ доништаанд ва навъи аввали он бо номи адхятмика фарогири дарду нокомиҳоест, ки онҳо аз табиӣ худӣ одам бармехезанд [111, 45]. Ҳамин ғоя, яъне аз ботини худ ҷустани иллати дарду ғам дар асрҳои баъдӣ, бахусус дар асри муосир, ривочи чашмгир пайдо кардааст.

Дар ирфони исломӣ «хузн» ва «ҳазан» вожаҳои яндр, ки мақоми истилоҳро касб кардаанд. Маънои луғавии «хузн» замини саҳту ноҳамвор ва дуруштиву хушунат аст [221,5]. Дар таъҷ ба маъноҳои фавқ орифон аз истифодаи вожаи мазкур андуҳу дарду ғамӣ шадидро дар нафс бо сабаби вуқӯи амре дар назар дошанд.

Дар ирфон хузн вобаста ба хусусиёти худ ба ду даста тақсимбандӣ мешавад: Ҳузни мамдӯх (писандида) ва хузни мазмум (накуҳишшуда). Ҳузни ҳаром ва ё хузни мазмум барои аз даст додани умури дунявӣ аст. Худованд низ хузни мазмумро ба муъминон манъ мефармояд ва дар «Қуръон» мегӯяд, ки бар он чи аз дастатон меравад, андуҳгин мабошед. Аммо хузни мамдӯх, ки бар сабаби кӯтоҳӣ дар анҷом додани амри Илоҳист, раво ва писандида аст.

Бахши дуюм «Назари файласуфон ва ҳакимон ба мафҳуми ғам» ном дошта, ба таҳлилу баррасии андешаву афкори файласуфон нисбат ба ғаму андуҳ бахшида шудааст.

Дар масъалаи мафҳуми ғам ва авомили он файласуфону донишмандони олам фикру андешаҳои ҷолибе баён намудаанд, ки дар диссертатсия ба таври намуна ақоиди баъзе аз онҳо оварда шудааст. Барои мисол, муаллиф аз андешаҳои Абулқосим Яқуб ибни Исҳоқи Киндӣ, Аҳмад бини Муҳаммади Мускуя (дар арабӣ Мускавейх), Ибни Сино, Насриддини Тӯсӣ, Имом Ғаззоли, нависандаи амрикоӣ Дейл Корнеги, файласуф ва нависандаи англис Ҷеймс Аллен, нависанда ва файласуфи фаронсавӣ Мишел де Монтен, файласуфи англис Бертронд Росул, нависандаи бо ҷоизаи Нобел мушаррафгардида Ҷон Максвелл ва дигарон суд ҷустааст. Аз андешаҳои донишмандон ва давлатмардонӣ фавқуззикр маълум мешавад, ки ҳузури ғам ва андуҳ, бо ҳама нохушоянд будани хеш, санги маҳакеро мемонад, ки инсон тавассути он чавҳари худро озмоиш мекунад. Аз ин лиҳоз, орзу

кардани зиндагии дур аз ғаму дард агарчи дар нигоҳи аввал бисёр ҷозиб ва дилкаш намояд ҳам, дар асл шахси ба чунин зиндагӣ дастёфта саҳт бадбахт аст. Инсон танҳо тавассути таҷриба кардани ранҷҳо ва нороҳатиҳо фикр, ирода ва рӯҳи худро обутоб медиҳад. Сониян, агар жарфтар биандешем, оё мешавад хушбахтиро бидуни бадбахтӣ тасаввур кард? Албатта, на, зеро яке аз далелҳои аслии хузури ҳамешагии андуҳ кӯшиши ба даст овардани шодию нишот аст.

Дар масъалаи он, ки бояд инсон бо падидаи ранҷ ва дард кадом рӯйкарди ахлоқие дошта бошад, андешаи соҳибназарон чунин аст: Агар имкон бошад, ки аз ғам ва ранҷ ба навъе гурехта шавад, пас бояд аз ҳамон роҳ истифода кард ва агар не, пас чора сабр аст. Сабр ба мо имкон медиҳад, ки ба он дарду ранҷ биандешем ва дар қадри тавони худ аз он ҳикмат ва дигар фавоиди ахлоқӣ ҳосил намоем.

Бахши савуми боби аввал «**Масоили ғам ва муодили он дар коргоҳи эҷодии шоирон**» ном дорад. Шеъри форсӣ аз замони оғози худ бо дарду ғам омезиш ёфтааст ва табиист, ки рози ин печидагӣ ба таҳқиқ ниёз дорад. Бо дарки ин ниёзмандӣ пажӯҳишгарон аз кишварҳои ҳамзабон дар самти мавриди назар кӯшишҳои қобили мулоҳиза анҷом додаанд, ки мо зимни таълифи диссертатсияи худ аз онҳо баҳрагирӣ кардаем.

Бо каме ошноӣ ба адабиёти беш аз ҳазорсолаи форсӣ метавон дид, ки дар ҳама гуна жанрҳои адабӣ, аз қабиле қасидаву ғазал, рубоиву дубайтӣ ва маснавӣ ғам хузур дорад ва ҳатто агар ҷое шоирон дар ситоиши нишоту сурур ба муболиға ҷой дода бошанд ҳам, чизе беш аз шӯридан алайҳи ғаму ғусса нест.

Дар миёни пайравони сабки ҳиндӣ сифати ғам, баёни дарду андуҳи ошиқона, хирмон ва нотавонии ошиқ дар муқобили маъшук, чилваҳои назаррабои худро дорад, ки обишхӯри онро бояд дар заминаҳои мухталифи иҷтимоиву фалсафӣ ва ҷараёнҳои тасаввуфи ҳукмронии вақт ҷустуҷӯ кард. Доктор Фарида Довудӣ – пажӯҳишгари эронӣ дар мақолаи худ «Бозтоби ғаму андуҳ дар сабки ҳиндӣ (бо таъя бар ғазалиёти Калими Кошонӣ)» доир ба ин масъала чунин мегӯяд: «Бо тааммул дар шеъри сабки ҳиндӣ, ба вижа ғазалсароёни ин сабк, дармеёбем, ки ғаму ноумедӣ ва ранҷ яке аз пурбасомадтарин вожагон дар сабки ҳиндӣ мебошанд, ки иллати онро дар авомили гуногун чун ҷараёноти иҷтимоӣ ва масоили иқтисодӣ, фарҳангӣ ва сиёсии асри Сафавия ва ба дунболи он фардгароии шадиди шеърҳои ин давра ва муҳочират ва андуҳ ва ғами ношӣ аз фироқ ва дурӣ аз ватан, бозтоби ситам ва бедод бар мардуми рӯзгори худ ва таъсири андешаҳои ғаму ранҷҳои сегона дар макотиби фалсафаи ҳинду ва... метавон ҷустуҷӯ кард» [214, 14].

Ба андешаи мо, вазъи иҷтимоӣ ва саҳтиҳои рӯзгори адибон, ки Фарида Довудӣ онҳоро омили зиёд гардидани ғаму андуҳ дар шеъри сабки ҳиндӣ медонад, дуруст аст, аммо бо ин маҳдуд намешавад. Мо бар ин назарем, ки гирифтгорӣ ба дарду ғам хусусияти фардӣ дошта, дар ҳама гуна ҷомеа ва шароит метавонад аз дили шоир рӯзанад ё пинҳон бимонад. Ба тариқи мисол, Бедил аз обрӯи ҳоса дар назди ҳукмронии вақти худ бархӯрдор буд, аммо дар «Ирфон» вақте ҳоли мардуми барзгарро тасвир мекунад, беихтиёр ҷашми кас пур аз об мегардад. Аз ин ҷо маълум мегардад, ки дарди шоир танҳо дарди дили ӯ набуда, шоирони бузург дар ҳама вақт дарди мардуми заҳматкаш ва бенаворо мисли дарди худ пазируфтаву онро дар шеъри худ ҷой додаанд.

Натиҷагирӣ мо аз ҷустуҷӯи ғам дар осори шоирон чунин арзёбӣ мешавад, ки омилҳои зиёде ба мисли ноадолатҳои иҷтимоӣ, ғурбат, ишқ, дарди дигаронро чун дарди худ пазируфтаву ва гоҳе рақобати носолими эҷодӣ барои хузурии доимии он дар каломии мавзун замина фароҳам сохтааст.

Боби дуҷуми диссертатсия «**Мавзӯи ғам дар маснавиҳои Бедил**» номгузорӣ шуда, **бахши аввали он** – «**Назари иҷмолӣ ба муҳтавиёти маснавиҳои Бедил**» ба тавсифи мухтасари чор маснавии Бедил: «Ирфон», «Муҳити аъзам», «Тилисми ҳайрат» ва «Тӯри маърифат» бахшида шудааст.

Маснавиҳои Бедил, ба истиснои «Тилисми ҳайрат», дорои сюжети ягона нестанд ва танҳо андешаҳои муназзами муаллиф ба масобаи ресмони ба ҳам пайвастанандаи фаслҳои асар хидмат менамоянд.

Маснавии бузургҳачми Бедил - «Ирфон», ба чуз он ки бо фарогирии андешаҳои жарфу печидаи ҳикамӣ ва фалсафӣ душворие пеши роҳи хонанда матраҳ менамояд, боз бо вижагиҳои забонии худ низ фарқ мекунад.

Нуктаи дигар, ки бар он ишорат кардан мехоҳем, дархости сабру таҳаммул аз хонанда аст, зеро хонанда одат кардааст, ки дар асарҳои манзуму мансур ба осонӣ хатти сюжетро муайян намояд ва равиши ҳодисаҳоро думболагир шавад, аммо дар маснавии зикргардида ин кор сахлу осон нест. Баъзе унсурҳои сюжет танҳо дар қисмати савуми он ба назар мерасад, ки он низ ба иллати овардани ҳикояҳову қиссаҳои зиёди тамсилӣ хонандаи камҳавсаларо хаста мегардонад.

Маснавии дигари аз лиҳози ҳаҷм бартарро Бедил «Муҳити аъзам» унвон додааст. Аслан, он чиро дар бораи «Ирфон» гуфтем, ба ин маснавӣ ҳам як андоза тааллуқ доранд. Илова бар он, дар маснавии мавриди назар хатти сюжет умуман вучуд надорад. «Муҳити аъзам»-ро як «Сокинома»-и бузургҳачм бояд донист, ки назираш дар адабиёти форсӣ нест ва дар он шахси шоир бо мурочиат ба соқӣ афкор ва назари худро ба масъалаҳои муҳими эътиқодиву тарбиявӣ баён мефармояд. Дар асари мазкур, вобаста ба фаслҳо, ҳикоеҳои гоҳ хурд ва гоҳе давомдор дида мешавад.

Дар осори Бедил сюжет ба таври истисноӣ дар маснавии «Тилисми ҳайрат» ба назар мерасад. Ин маснавӣ тамсилӣ буда, зимни сайри Рӯҳ дар пайкари инсон роҳпаймоӣ аз касрат ба ваҳдат мавриди тасвир қарор мегирад. Вобаста ба мавзӯи таҳқиқи мо ишорат кардан лозим меояд, ки дар «Тилисми ҳайрат» яке аз қаҳрамонони маснавӣ Ғам ном дорад ва дар рисолаи худ мо атрофи он баҳс кардаем.

«Тӯри маърифат» чаҳорумин маснавии Бедил мебошад, ки дар он бар хилофи се маснавии дигар андешаҳои ҳикамӣ ва фалсафӣ кам мушоҳида мегарданд ва шояд сабаби он тафреҳӣ будани он аст. Ҳарчанд, ба гумони мо, ин иддао чандон дуруст нест, зеро низоми андешаронии Абулмаонӣ ҳич гоҳе гусастагиро қабул надорад ва раванди бомароми он дар тамоми осораш мушоҳида мешавад. Аммо он чӣ бештар дар ин маснавӣ хонандаро ба худ мувоҷеҳ мегардонад, тасвири беназири манзараҳои табиат мебошад.

Дар маҷмӯъ, тамоми маснавиёти Бедил фарогирии андешаҳои жарф бо забони мутафовитанд ва доир ба махсусиятҳои онҳо сухан ронда, таъкид менамоем, ки шоир дар ҳамаи маснавиҳои худ гусастагиро дар муназзामीи фикр роҳ надодааст. Ҳамин аст, ки асарҳояш бо вучуди мустақил будан, гоҳе аз лиҳози масъалагузорӣ ба ҳам хеле монанд мешаванд.

Бахши дуҷуми боби мазкур «**Ғамҳои раво ва нораво дар маснавиҳои Абулмаонӣ**» номгузорӣ шудааст.

Зикр намудан бамаврид аст, ки ҳузни раво ва ҳузни нораво дар ҳар гуна асаре вучуд доранд ва агар адиб мустақиман ба чигунагии ин ғамҳо ишорат насозад ҳам, хонанда бо бардоште, ки аз рафтори қаҳрамони асар ҳосил мекунад, дар ниҳоят ба дарки ин маъно мерасад. Масалан, Ахиллес аз ривоятҳои Юнони қадим, Жюлен аз асари «Сурх ва сиёҳ»-и Стендал ва Исфандиёр аз «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ

гирифтори ғами норавоянд. Дар ин асарҳо ғами шуҳрат саранҷом эшонро бо вучуди доштани тавоноии хос ба водии нокомӣ мебарад. Ҳузни раво бештар хоси ривоятҳои диниву ахлоқист ва ба он маъно, ки қаблан шарҳ додем, бинобар кам гардидани таъсири дин дар ҷомеа шояд дар роману қиссаҳои замони мо мавқеи худро аз даст додааст. Дар замони муосир нақши ғами писандидаро некиву кушодадилӣ, фурутанӣ ва дигар хисоли шоиста ба дӯш доранд.

Дар пораҳои интихобкардаи мо бо тааммул дар анҷоми кори булбули ғафлатунвон аз маснавии «Ирфон», шахси гирякор аз маснавии «Муҳити аъзам» ва гуфтугӯи Ишқу Шоҳ аз маснавии «Тилисми ҳайрат» ба натиҷае мерасем, ки Бедил ба ҳайси як орифи ростин ғами пас аз фано ба бақо пайвастанро ғами писандида медонад ва ҳамин аст, ки қаҳрамонони ду асари бузургҳачми ӯ («Ирфон» ва «Тилисми ҳайрат») дар охир саршори ҷунин ғами зебо дунёи фониро падруд мегӯянд.

Дар маснавиҳои Бедил дар баробари ғами раво ва писандида ғами нораво низ тасвир гардидааст. Барои мисол, дар маснавии «Ирфон» ғами нораво (гирифторӣ ба манманӣ ва ҳавову ҳавас)-ро ҳангоми мутолиаи ҳикояти «Масале ҳаст дар ин афсона, – Ҳомии фитрати он парвона» мушоҳида менамоем.

Аз гуфтори парвона маълум мешавад, ки барои сайқали истеъдод ва анҷоми рисолати ӯ, яъне сӯхтан, ҳич гуна асбобу ороиши зиёд лозим намебошад. Маҷозан, Бедил ба он ишорат мекунад, ки барои ошиқи содиқ дарди ишқ кофист ва орзуи шуҳрату худнамоӣ дар ин роҳ ҷуз ғами нописандида нест.

Дар маснавии «Тӯри маърифат» ғами нораво гаравидан аз ваҳдат ба қасрат аст, ки Бедил онро зимни баёни «Дар сифати суман» мазаммат менамояд.

Пас аз пурсучӯ маълум мешавад, ки сабаби ҳоли зори суман ғофил шудан аз худ ва мафтун шудан ба ҳусни дигарон будааст. Шефтаи дигарон шудан ва аз такмили хеш бозмондан ҳамчун омили аз ваҳдат дур шудану дар ғами норавои қасрат печидан дар ниҳояти гуфтор аз забони суман ҷунин накуҳиш мешавад:

Агар бар хеш чашмам боз мешуд,
Саропоям тилисми ноз мешуд.
Кунун бо сӯхтан мебоядам сохт,
Сазои он, ки қадри хеш нашнохт.
Ба ҷурми ихтиёри ғайр доғам,
Вагарна ман ҳам аз хубони боғам [11, 647].

Баъзан дар миёни ғами писандида ва ғами нописандида фосолае ба мушоҳида мерасад, ки дар сурати надомат рӯнамо мегардад. Қаҳрамонони ҷунин қиссаҳо бо дарки иштибоҳ ба надомати худ пардохта, кӯшиш ба харҷ медиҳанд, ки хатои худро ислоҳ намоянд. Дар ҷунин мавридҳо надоматро мешавад пуле дар миёни ғами мазмум ва ғами мамдӯҳ донист ва қаҳрамони қисса вобаста ба он, ки чиро дар тасаввури худ хуб ё бад меҳисобад, дар пайи тағйир додани масири зиндагии хеш мешавад.

Ба ҳамин тартиб, надомат дар намунаҳои овардашудаи маснавиёти Бедил маҷозан нақши пулро дар миёни ғами писандида ва нописандида иҷро менамояд.

Баҳши сеюми боби дувум «**Носталжӣ ё ғаму ҳасрати гузашта дар маснавиҳои Бедил**» ном дошта, мавзӯи баҳси он таҳқиқу баррасии ин навъи ғам дар маснавиёти Бедил мебошад.

Мафҳуми «носталжӣ»-ро донишмандони зиёде шарҳу тафсир кардаанд, ки афкори онҳоро метавон бо ҷумлаи зерини муҳаққиқи эронӣ доктор Фотима Ғафурӣ хулоса кард: «Аз он ҷо, ки насталжӣ як вожаи лотинӣ ва аз истилоҳоти

равоншиносӣ аст, муодили форсии он ғами ғурбат ва ҳасрати гузашта мебошад» [70, 104].

Дар така ба он чӣ аз мафҳуми носталжӣ ҳосил кардем, метавон гуфт, ки маснавиёти Бедил низ ҳолӣ аз носталжӣ нестанд, аммо ин носталжӣ мустақиман ба муаллиф рабт надошта, балки дар амалкарди қаҳрамонони ҳикояҳо ба назар мерасад. Вобаста ба он ки натиҷаҳои носталжӣ ба фоидаи қаҳрамонони асар аст ё бар зарари онҳо, мо онҳоро ба ду навъ тақсим кардем ва бар онҳо носталжи мусбат ва носталжи манфӣ ном ниҳодем.

Носталжи мусбат ифтихорзост ва андешидан ба таърих ва гузаштаи пурғановати миллат намунаи он аст. Аммо шахс бо пеш омадани мушкilot ё вазъи хатарбор дар бораи замони қабл фикр кунад ва барои аз даст рафтани чунон замоне афсӯс бихӯрад ва дар баробари ин барои рафъи мушкil ва вазъи хатарбор чорае наандешида илочи раҳой аз вазъи пешомадаро танҳо дар гурез ба оғӯши ёдҳо бинад, ин носталжи манфист.

Маснавии «Ирфон» асарест сирф ирфонӣ ва аз ин лиҳоз ҳар навъ носталжие, ки дар он аз ҷониби қаҳрамонон мушоҳида шавад, ба ирфон ва тасаввуф рабт доранд. Чунончи, Абулмаонӣ ҳикоятро, ки дар «Ирфон» баъд аз тавсифи ваҳдати вучуд меорад, оканда аз ғами шинохти мақоми ризост ва ризо дар луғат ба маънои хушнудӣ бувад, яъне банда бештар аз он чӣ Худо барояш қарор додааст, талаб накунад. Ҳарчанд дар ҳикоят сухан аз Кошону Ҳиндустон равад ҳам, асли мақсад накушиши адами ризо дар вучуди марди солиқ аст, ки ба воситаи ғами ғурбат ва ё ҳамон носталжӣ ифода меёбад. Аз каломии ориф маълум мешавад, ки Кошон замони мозӣ, Ҳиндустон замони мустақбал буда, кошонӣ киноя аз мардест, ки тарки яқин кардаву ихтиёри худро ба дасти ваҳму гумон додааст. Суханҳои марди ориф, ки суханҳои Бедил низ ҳастанд, кошониро ба шинохтани мақоми ризо ва парҳез аз ғами ғурбат даъват мекунад:

Ҳар қадам оламест маъвоят,
Чун гузаштӣ, намонад он чоят.
Мақсади шамъ сайри хештан аст,
Ҳар кучо чашм во шавад, ватан аст [12, 55].

Маснавии «Тилисми ҳайрат» асари ирфонист ва табиист, ки ғами ғурбати зеҳнӣ дар он нақши меҳвариро ба дӯш дорад. Қаҳрамони марказии асар, ки Рӯҳ ном дораду шоҳи мулки Бадан мебошад, барои дидани Ҳусн чандин водихоро паймуда, ба сарҳади худшиносӣ мерасад ва он ҷо Ишқ ба дасташ ойина медиҳад. Шоҳ дар оина сурати худро мебинад, ки мисли мӯй борик гардидааст. Ишқ ба Шоҳ мегӯяд, ки мақсуд аз ин ҳама тақопӯ туро бо ҳақиқати худ ошно кардан буд. Онеро, ки мечустӣ худи ту ҳастӣ ва ойина қалби мусаффоият мебошад.

Шоҳ бо дарки ҳақиқат ба олами беранг мепайвандад:

Мақоми аслии худ диду бишнохт,
Ҳама чавлон шуду аз худ бурун тохт...
Ба ҷое рафт, к – он ҷо ҷо нагунҷад,
Чи огоҳӣ, чи ваҳм – инҳо нагунҷад [11, 258].

Ба ҳамин тартиб, носталжӣ ҳамчун амрози қалбӣ ва зеҳнӣ дар бисёр мавридҳо сабабгори афсурдахотирӣ ва мушаввашҳолӣ мегардад, ки инро ҳикоятҳои овардашуда тасдиқ менамоянд. Барои гирифтани нашудан ба носталжи манфӣ инсон бояд ба кадом тадбирҳо даст занад? Аз дидгоҳи Бедил, равандаи роҳи ирфон бояд ҳол (имрӯз)-ро, ки он низ рафтанист, ғанимат шумарад:

Лайлии ҳол бенумӯранг аст,
Маҳмилаш ваҳму чилва найранг аст...
Ҳол чун нақди туст, бохта гир,
Ношиносое шинохта гир [12, 80-81].

Аз андешаҳои Бедил маълум мегардад, ки равандагони роҳи ирфон носталжиро як зухуроти номатлуб доништа, замони айниро, ки имкони иҷрои коре дар он мавҷуд аст, афзал ва муқаддам медонанд.

Баҳши чаҳоруми боби дуҷуми диссертатсия «Ғамҳои гурезпазир ва гурезнопазир дар маснавиҳои Бедил» ном дорад.

Тавре ки дар қисмати оғози диссертатсия овардем, ғаму ранҷро ба навҳои дигаре ҳам тақсим намудаанд. Пас аз андешидан ба он ки оё ғами пешомада ногузир буд ё натиҷаи амалқарди худӣ мо ва ҳам тааммул қардан ба сари ин ки оё мешавад худро аз он қанор бигирем ва ё не, ин ҳисҷоро ду қисмат намуда, ба яке ғамҳои гурезпазир ва ба дигаре ғамҳои гурезнопазир ном ниҳоданд. Ба гунаи мисол, ғамҳое аз қабилӣ пирӣ, надоштани гузаштаи пурифтиҳор, марғи хешони наздик ва монанди инҳо ғамҳои гурезнопазир ва дастаи дигари ғамҳо ба монанди сарвату шухрат, надоштани ёрони мувофиқ ва ғайра, ки бо талошу кӯшиш ё дигар қардани масири афқору зиндагӣ аз онҳо раҳо ёфтани имкон дорад, ғамҳои гурезпазир мебошанд. Дар ин қисмати диссертатсия кӯшиш менамоем, ки бозтоби ин навъи ғамҳоро дар маснавиёти Бедил мавриди таҳқиқ қарор диҳем.

Ба гурӯҳи ғамҳои гурезнопазир ғамҳое мутааллиқ медонем, ки рӯбарӯӣ бо онҳо амри ногузир аст. Барои мисол, аз бихишт ронда шудани Одам, ба назари мо, ғами гурезнопазир аст.

Чустуҷӯи шуғл ва кори муносиб барои фароҳамсозии лузумоти зиндагӣ аз ҷумлаи ғамҳои гурезнопазир аст, ки ҳангоми машварат ороштани бародарон пас аз марғи марди ориф дар маснавии «Ирфон» дида мешавад:

Раҳнавардони водии адамем,
Хомушиманзили нафасқадамем,
То нафасро зи хоби по дурифт,
Тарқи ашғол саҳт маҳҷурифт.
Корвонем, чустуҷӯ дар бор,
Маҳмилу зоди мо тараддуди кор [12, 303].

Аз даст додани сармоя ва заволи неъмат барои бархе аз шахсон моёи ғам мегардад. Бедил мавзӯи мазкурро дар қисмати «Масале ойинадор аст ин ҷо, – К-аз ту дар роҳи ту хор аст ин ҷо»-и маснавии «Ирфон» чунин баён мекунад:

Мардаке табъи ношикебе дошт,
Ҳавасомода боғи себе дошт.
Зоғ себе аз он миёна рабуд,
Ба мақоме баланд бол кушуд.
Он ҳасис аз қафои ӯ метохт,
То ба ҷое, ки нақди тоқат бохт.
Баски дудаш фурӯ гирифт димоғ,
Шуд чаҳонаш ба дида як пари зоғ [12, 336].

Чунин ғам аз нигоҳи шоир набояд моёи афсурдагӣ гардад, зеро гурез аз он имкони фаровон дорад:

Коре аз даст рафт, кори дигар,
Оламе дигар, эътибори дигар.

Бода дорӣ, зи дарди зарф манол,
Чиният гар ба ҳам шикаст, сафол.
Самари боғи шавқ бисёр аст,
Яъне асбоби завқ бисёр аст [12, 337].

Бо вучуди он ки ғам дар тамоми анвои шеъри Бедил чехранамоӣ мекунад, дар маснавии «Тилисми ҳайрат» ба он таваччуҳи махсус дода мешавад ва ҳатто номи яке аз қаҳрамонони амалкунандаи ин асар Ғам аст. Ба маврид аст, ки ин ҷо сифати ўро бо қалами худи Мирзо Бедил аз маснавии «Тилисми ҳайрат» муаррифӣ кунем. Дар маснавии мазкур Ғам яке аз шаш нафар муқимони остони Дил аст:

Шашум, Ғам дар ҳарими Дил камин дошт,
Ки ҳамчун нола хун дар остин дошт.
Хароши чехраи умеди ишрат,
Кусуфи чехраи хуршеди ишрат.
Зи ёди ў насими субҳгоҳӣ
Ба тангӣ чун нафас зери сиёҳӣ... [11, 76].

Аз пораи мазкур, ки дар сифати Ғам омадааст, маълум мешавад, ки нависанда ба он назари нек надорад, балки онро хароши чехраи умеду кусуфи орази хуршед медонад. Дар маснавии мазкур назари фалсафии шоир рочеъ ба офариниши инсон, хайру шарри дар вучуди ў пинҳонбуда, рақобати қувваҳои неку бад, раҳи растагорӣ аз зиллату пастӣ ва даст ёфтани ба саодати абадӣ, ки дар таҳайюри аҳвол ва ҳусули яқин аст, ифода меёбад.

Аз мисолҳои овардашуда маълум мегардад, ки дар маснавиёти Бедил ғамҳои марбут ба сарнавишт, ғами таъмини маишати рӯзгор ва ихтилофоти ақидавӣ ғамҳои гурезнопазир мебошанд ва ҷораи қор дар рӯёруй бо онҳо сабру тамкин аст. Ҷораи дигар ин аст, ки файласуфона бар онҳо назар бияндӯзем ва барои худ ҳикмате кашф намоем. Аз ғамҳои гурезнопазир, ба монанди ғами сарват, заъфи бадан ва афсурдагии дил, ки мо намунаи онҳоро қаблан овардем, мешавад бо саъю кӯшиш ва тағйири масири зиндагӣ раҳой ёфт.

Боби сеюми диссертатсия, ки «Омилҳои ғамбарангез ва ғоятшиносии онҳо дар маснавиҳои Бедил» ном дорад, аз 8 бахш иборат аст. Бо назардошти таваччуҳи махсуси Бедил дар маснавиҳояш, хусусан дар “Ирфон” ба ноадолатиҳои иҷтимоӣ, ки сабабгори ғаму дарди инсон мешаванд, **бахши аввали он - «Ноадолатиҳои иҷтимоӣ ба ҳайси авомили ғамбарангез»** ба таҳқиқи ҳамин мавзӯ бахшида шудааст.

Бедил риояи адолатро шартӣ бақои олам дониста, зулм ва шиканҷаро маҳкум менамояд. Аз нигоҳи ў, зулм дарбаргирандаи қулли разолат, ғамҳо, ранҷҳо, ҳасратҳо, дардҳо ва зиштиҳои олам мебошад. Афроди тавонманд, ки ҳӯи золимӣ доранд, ба ҷои шукр варзидан аз қудрати худ истифода карда, зиндагии шоди дигаронро поймол менамоянд. Тавассути ҳикоёти худ ў шахсони золимо аз саранҷоми шуми қорашон огоҳ менамояд ва аз устувор набудани кохи зулм ҳушдор медиҳад.

Аз ҳикоёти овардашуда равшан мегардад, ки Абулмаонӣ бо дарди мардуми одӣ аз наздик ошно буда, меҳодад сиришти шоҳону ҳоқимони ситамгари даврро дар ойинаи назм ба чашми хонанда намоён кунад. Ҳарчанд золим баландҷоҳ асту дасти адолатҷӯ кӯтоҳ, ў дар муқобили ситамгарон хомӯш наменишинад ва эшонро аз оқибати қор огоҳ месозад:

Нолаи дил ғубори сарсар нест,
Гар ту нашидӣ, осмон қар нест...

Пас ба ҳар кас ба зулм пеш оӣ,
Ташнаи интиқоми хеш оӣ [12, 520-521].

Бедил ғафлатро пунбае медонад, ки золимон барои нашнидани фарёди мазлумон бар гӯши хеш гузоштаанд. Сипас оҳи мазлумро ба оташ монанд мекунад ва ҳушдор медиҳад, ки ин оташи болораванда пунбаи гӯши ситамгоронро якҷоя бо коху салтанаташон хоҳад сӯхт.

Бахши дуҷоми боби савум «Ҳирсу тамаъ ва сарватпарастӣ чун омилҳои ғамзо» ном дошта, таҳқиқи афкори Бедилро вобаста ба хусусияти ғамбарангезии ҳирсу тамаъ дар бар мегирад. Ҳирсу тамаъ, ба андешаи Бедил, гунае аз бемориҳои ахлоқии барангезандаи дарду ғам мебошанд ва нишонаҳои ин беморӣ дар мавриде ошкор мешавад, ки шахс ба моли ниёзаширо қонеъкунанда қаноат наварзад ва ҳамвора гирифтори ранҷи бештар ба даст овардани он бошад. Андуҳи аз даст додани сарват ва орзуи ҳар чӣ бештар чамъ овардани он дар маснавии «Ирфон» мавриде ба чашм мерасад, ки фарзандони марди ориф барои интиқоби касбу пеша бо ҳам машварат меороянд ва бародаре аз миён андухтани зару симро аз дигар пешаҳо авлотар медонад. Сарватандузӣ, ки онро бародари аввал ситоиш ва ташвиқ менамояд, аз забони бародари дувум накуҳиш мегардад ва амале доништа мешавад, ки шахсро гирифтори ғамҳои нолозим мегардонад:

Лаълу ёкут то намоён шуд,
Чигари чок ҳосили кон шуд.
Нест гавҳар ба ғайри уқдаи бим,
Садаф ин чо ҳамон дилест ду ним... [12, 435].

Орзуи сарват дар нигоҳи аввал писандида намояд ҳам, раво нест, ки барои он рӯзгори худро нохуш ва пур аз азобу ранҷ намоем. Сарвате, ки ба дасти сарватмандон меафтад, натиҷаи ҳазорон ранҷу азоб ва гирифтори ба ғаму азиятҳои тоқатнопазир мебошад. Шахс бояд дар зиндагӣ қаноатпеша ва дӯстдори ризки ҳалол бошад. Аксари сарвати дороён натиҷаи ҳирсу тамаъ буда, зиёда аз ин, моликони он аз хавфи ба ногаҳ гум кардани он ҳамеша ранҷ мебаранд.

Дар **бахши савум**, ки «**Кирдори ношоиста ҳамчун асбоби ғам**» ном дорад, саъй кардаем, ки афкори Бедилро вобаста ба авомили ғамзо будани ахлоқи ношоиста таҳқиқу баррасӣ намоем.

Дар маснавиҳои Абулмаонӣ муҳимтарин авомили ғам адабношиносӣ мебошад. Ба таври мухтасар вожаи «адаб» бозгӯи рафтори писандида ва равиши муносиб дар корхоро дорад. Адабношиносӣ махсуси шахсонест, ки худро инсонӣ хос меҳисобанд ва тақозо доранд, ки мардум барояшон ба таври ҷудоғона муносибат намояд. Он аз он ҷиҳат метавонад омили ғам бошад, ки шахс аз ҷониби дигарон қадр намеёбад ва аз бароварда нагаштани интизориҳои муҳоли худ ранҷи рӯҳӣ мекашад.

Мавзӯи риоя накардани адаб ва дар ин замина ба ҳасрат печидан дар осори Абулмаонӣ бо даст додани ҳар мавриди мувофиқ тақроран гӯшзад мегардад. Масалан, Бедил саранҷоми адабношиносии Мансурро, ки бо ранҷи шиканҷаву қатл анҷом мешавад, дар байти зерин чунин ба қалам додааст:

Ба таҳқиқ, ин чилваи бенишон
Нигоҳест дар чашми қурбониён [11, 509].

Гунаи дигари кирдори ношоиста, ки метавонад сабаби барангехтани ғаму ғусса гардад, шакку тардид аст. Дар тасаввуф шак ва тардид барои марди солиқ ғулҳое доништа мешаванд, ки ўро ба бераҳа мебаранд ва Абулмаонӣ ба ҳайси як марди ориф ҳич гоҳ ба онҳо назари нек надошт. Агар таҳқиқу тааммули бештар

шавад, хоҳем дид, ки дар маснавиҳои Бедил инсон бар асари шакку тардид гирифтори ғаму дард ва пайомадҳои нохуб мегардад. Ин маънӣ дар ҳикояи «Қиссаи мункири меъроҷи набӣ, – Ки чӣ пеш омадаш аз таъби ғабӣ» равшану пуртаъсир ифода ёфтааст. Дар ҳикояи мавриди назар шахсе бар асари шаккокии худ гирифтори ранҷу азоб гардида, дар ниҳоят ҳақиқатро эътироф мекунад ва пайambar ҳам бо ишора бар зиёни шакку тардид мефармояд:

Аз ҳадиси пайambar инкорат,
Кард бо ин адаб хабардорат [12, 949].

Аз дигар аъмоли нописанде, ки метавонанд сабабгори ғамангезӣ шаванд, ифроту тафританд. Ифрот ва тафрит, ки ҳар ду аз эътидол хориҷанд, сабабгори ҳама шӯру бенизомиҳо ва ранҷу дардҳои аҳли оламанд. Хусусан, дар замони ҳозира, ки чараёнҳои гуногуни фалсафиву мазҳабии тундрав ба мафкураи ҷавонон таъсиррасонӣ доранд, суҳанони Абулмаонӣ дар ин мавзӯ аҳаммияти бештаре касб менамоянд:

Назар ҳамчунон дар баҳори зухур,
Ба ифрот аҳвал, ба тафрит кӯр [11, 282].

Бедил дар баробари дигар омилҳои имтиҳонотро низ аз ҷумлаи унсурҳои ғамбарангез шумурдааст. **Баҳши чоруми** боби савум, ки «**Имтиҳонот ва нақши онҳо дар падидаи ғам**» ном дорад, ҳамин мавзӯро дар бар мегирад.

Ба мавзӯи ранҷу ғами имтиҳон дар қисмати «Ҷоми Юнусӣ»-и маснавии «Муҳити аъзам» рӯ ба рӯ мешавем, ки он ҷо Бедил аз Юнуси пайambar суҳан меронад. Мувофиқи ривоятҳои исломӣ Юнус чанд муддатро дар коми наҳанг гузаронид, аммо он ҳама ғаму ранҷро озмоиши Худованд доништа, ба тавбаву зикр машғул шуд ва наҷъаи ишқи Илоҳӣ ҳамеша ҳамроҳаш буд:

Чу Юнус аз ин наҷъа огоҳ шуд,
Зи коми наҳангаш тарабгоҳ шуд.
Димоғи хурӯшаш ба ҳайрат кашид,
Ки дар пастӣ афтоду меъроҷ дид [11, 245].

Инсон тавассути имтиҳонот ҷавҳари ботинии худро ба намоиш мегузорад ва дар натиҷа маълум мешавад, ки хушрӯзгору хушнуд будан ва ё бадбахту ғамгин гаштани ӯ бедалел нест. Имтиҳонот ба мисоли ойинаанд, ки чигунагии моро ба мо менамоёнд ё санги маҳаке ҳастанд, ки холис будану набудани моро ба тарзи дақиқ муайян месозанд. Бо тақия ба таҳқиқе, ки дар ин самт сурат гирифт, ҳар як фардро лозим меояд, ки ҳангоми мусибату ғамҳо аз сабр ва дигар тадобири иҷмолан дар боло ёдгардида ёрӣ бичӯяд.

Баҳши панҷуми боби сеюм «**Нодонӣ ва ғафлат ба ҳайси ду абзори ғамсоз**» номгузори шудааст. Нодонӣ ва дар пайомади он гирифтори заҳмату ранҷ гардидани шахс марбут ба ҳикоятест, ки аз забони писари чоруми ориф дар маснавии «Ирфон» оварда мешавад. Қабл аз оғози ҳикоят Абулмаонӣ дар сифоти илму фазл нуктаҳои ҷолибе оварда, одамиро нахле медонад, ки тухфаи баҳори камолаш меваи илм аст:

Одамизод нахли илми нумӯст,
К-ин сувар эътибори илмии ӯст.
Он чи з-ин нахл мерасад ба самар,
Медихад аз баҳори илм хабар [12, 578].

Абулмаонӣ ба воситаи овардани қисса дар бораи Сикандар, ки ғами марг нороҳаташ мекард ва бо назари ибратомӯз андохтан ба зиндагии Идриси пайambar хонандаро панд медихад, ки шиканҷаву андуҳи маргро танҳо ба воситаи омӯзишу

дониш барканор кардан мумкин аст. Ў инсонро нахл ва донишро меваи он медонад. Яке аз рисолатҳои инсонӣ талаби илм мебошад, зеро танҳо тавассути илм инсон ба ҳақиқи ашъ ва маъниҳои печидаи зиндагӣ даст меёбад. Ҳамчунон ки Худованд мазҳари доноӣ ва огоҳӣ аст, инсон низ, ки мартабаи халифаи Худоро дорад, бояд пайи ба даст овардани илм ва огоҳӣ ба рози оламу коинот кӯшиш намояд. Оби ҳаёт афсонае беш набуда, рози ҷовидонагии умри инсон ва роҳи раҳой аз ранҷу ғами марг дар илм нухуфта мебошад.

Яке аз омилҳои зояндаи ғам дар маснавиёти Бедил ғафлат аст. Ғафлат ба маънои фаромӯш кардан ва беҳабар шудан аст. Дар «Муҳити аъзам» одами хокӣ ба ғубор ва ғафлат, ки унсури ғаму андуҳовар мебошад, ба баҳри фано монанд шудааст. Абулмаонӣ мегӯяд, ки инсон мушти ғубор аст ва чун ғубор аз парафшонӣ, яъне саъй ва кӯшиш бозмонд, мавҷи тӯфони баҳри ғафлат онро ба коми худ мекашад:

Бар он қавм шуд мавҷи тӯфон савор,
Ки дар об ором гирад ғубор.
Ба фарёди ғафлат фано мерасад,
Ба ин хору хас шуъла вомерасад.
Зи ғафлатпарастӣ адам хуштар аст,
Аз ин сози афсурда рам хуштар аст [11, 244].

Тӯфони Нӯх, ба ақидаи Бедил, подоши ғафлати мардум аз адолат ва ҳақиқат аст ва таъкидгар бар он, ки инсонҳо на танҳо дар охират, балки бештар дар ҳамин дунё подоши ғафлати худро дармеёбанд ва ба ғаму ҳасрати неъматҳои аздастдодаи худ гирифтормешаванд.

Баҳши шашуми боби мазкур «**Ишқ ва ғамҳои мансуб ба он**» ном дошта, ба таҳқику баррасии хусусияти ғамофаринии ишқ баҳшида шудааст.

Дар «Ҷоми юсуфӣ», ки қисмати аз даври дувуми маснави «Муҳити аъзам»-ро ишғол мекунад, Абулмаонӣ аз ҳаҷру андуҳи Яъқуб, ранҷу дарди ишқи Зулайхо, камоли ҳусни Юсуф ва нигарониҳову ситамҳои кашидаи ӯ аз бародаронаш мухтасар ҳарф зада, хонандаро огоҳ менамояд, ки ин ҳисси пурзӯр метавонад сабабгори ғамҳои равову нораво гардад:

Асарҳои найранги ҳусн аст ин,
Ки шуд чилвааш муҷиби ҳусну кин.
Ба Яъқуб шуд соғари интизор,
Бар ихвон чунун, бар Зулайхо баҳор [11, 251].

Бедил ба ишқ ҳамчун ба нури Илоҳӣ нигариста, дарди иштиёқашро созанда ва ҳам сӯзанда мешуморад ва мункирони онро гирифтормеҷаме медонад, ки хаффош аз душманияш бо хуршед асири он гаштааст:

Зихӣ, фаҳми ихвон, к-аз ӯ дур монд,
Ба хаффошии ҷовидон кӯр монд.
Аз ин ҷост равшан, ки он нури пок
Ба ҷое ҳаёт аст, ҷое ҳалок [11, 251].

Дар «Ирфон» аз дарду ғамҳои ишқ ҳикоят бисёр оварда мешавад ва намунаи олии он қиссаи «Комде ва Мудан» аст, ки онро Бедил зери унвонии «Ҳам дар ин қиссаи ҳайраттимсол - Комдеву Мудан омад ба ҳаёл» манзум намудааст. Абулмаонӣ дар ин қисса онҳоро, ки ба ошиқон бо афзудан ба ранҷу дардашон озмоиш пеш меоваранд, маломат мефармояд:

Эй ҳалоки фузулии расво,
Накунӣ имтиҳони аҳли вафо,

Ки димоғи вафо ҷунункадаест,
Олами ваҳшати паризадаест [12, 782].

Хулоса, ғами ишқ поктарин ва муқаддастарин ҳисси инсонӣ буда, офариниши оламу одам ба хотири он аст. Мутаассифона, на ҳама тавони кашидани ранҷу дарди ишқро доранд ва назари нек надоштани баъзе ашхос ба ин атияти Илоҳӣ дар ҳамин аст. Хонанда аз мутолиаи қиссаҳои ошиқона дар маснавиёти Бедил ба ин натиҷа мерасад, ки танҳо аз раҳи сидқ ва таҳаммули дарду ранҷ метавон дар муҳаббат хушком шуд, зеро душвориҳои пешомада метавонанд шахси аз рӯи ҳавову ҳавас ба ин роҳ рафтаро гирифтори ғаму андуҳи нокомӣ гардонанд.

Бахши ҳафтуми боби сеюм «Вобастагии ғам ба қисмат» номгузорӣ шудааст.

Масъалаи таслим ба сарнавишт як масъалаи калидӣ дар ирфон аст. Ба андешаи Бедил, инсон бояд дар муқобили Худованд таслим пеш оварад ва ин таслим таслими писандида аст, зеро ҳар кӣ бо Худо ва фармудаҳои Ё ба ҷидол бармехезад, ҷуз нооромӣ ва ҷунунзадагӣ чизе ба даст намеорад. Фавоиди тарс аз Худованд дар он хулоса мешавад, ки инсон ба ҷуз он остони баланд дар пеши ҳич мушкилот зону нахоҳад зад.

Дар «Тилисми ҳайрат» таслим ба сарнавишт яке аз лузумоти ишқ шинохта шудааст. Дар ин ҷо Абулмаонӣ ҳама суду зиёни ҷаҳонро беҳуда доништа, таслимро ба ризои сарнавишт ягона василаи расидан ба хушбахтӣ ва канор гузоштани ғаму дард медонад:

Дар ин савдо ғами суду зиён нест,
Ба ҷуз таслим ҷинсе дар миён нест.
Вучуди феъл мавҳум аст ин ҷо,
Ҳамин таслим мафҳум аст ин ҷо ҷо [11, 196].

Таслим ва ризо солиқро водор мекунад, ки ба таҳқиқи олами ботин кӯшиш намояд, ноорому ғамгин набошад ва бетобиву эътирозро канор бигзорад. Ҳар як шахс бояд донанд, ки инсонҳо тақдир ё худ сарнавишти якранг надоранд ва агар қисмат моро ба мушкиле рӯ ба рӯ кардааст, шояд ба василаи он тавонмандӣ ва таҳаммулпазирии мо имтиҳон карда мешавад. Ба ақидаи Абулмаонӣ, агар инсон саропо бо гавҳари ҳунар ораста бошад ҳам, агар назди тақдир сари таслим пеш наорад, уқдае дар қораш ҳанӯз боқист. Аз ин лиҳоз, тақдирситезӣ кори нохуб буда, боис ба талошу саъйи беҳуда мегардад ва анҷомаш гирифтори ба ғаму мусибат хоҳад буд.

Нобарорӣ ва тавфиқ дар қорҳо дар андешаи мардум маъмулан ба сарнавишт рабт дода мешавад. Тавфиқро мардум иқбол медонанд, ки маънои он рӯ овардани бахту давлат ба инсон аст ва «беиқбол» гуфта, шахсеро дар назар доранд, ки гирифтори ғами нокомӣ бошад. Дар маснавии «Ирфон» зикри иқбол дар ду маврид ёфт мегардад, ки яке достони машҳури Комдеву Мудан ва дигар қиссаи шоҳест, ки бо аз даст додани тахт ба мулки ғайр гуреза мешавад.

Дар қиссаи дуҷум ҳарчанд шоҳ кӣ буданаширо аз ҳама ниҳон медорад, бар асари садоқат ва хидмати содиқона, ки заминаи иқболаш мешаванд, боз тахтнишин гардида, ғаму ранҷи бекасии худро тарк мекунад:

Лек осори нашъаи иқбол
Мояи шуҳрат аст дар ҳама ҳол.
Ҳар кӣ чархаш нигини шоҳӣ дод,
Гар ҳама ғӯта дар сиёҳӣ дод,

Он сиёҳиш ноумедӣ нест,
Номи иқбол бе сапедӣ нест [12, 696].

Аз ин ҷо мантиқан метавон ба натиҷа расид, ки агар вучуди иқбол мояи шуҳрат, нигини шоҳӣ ва сапедӣ бошад, пас адами иқбол гумномӣ, бенавой ва сиёҳбахтист. Шояд дар зеҳн суоле падид ояд, ки иқбол азалист ва ё натиҷаи саъю амал? Мушаххасан дар ин бора Абулмаонӣ ишорате надорад, аммо аз равиши ин ду қисса маълум мегардад, ки иқбол ба шахсоне ёр мегардад, ки дорои сифатҳои махсуси ахлоқӣ бошанд. Чунончи, дар қиссаи «Комде ва Мудан» Абулмаонӣ иқболро самараи фурутанӣ ва оқибатандешӣ медонад:

Чист иқбол? Пешбин будан,
Осмон доштан, замин будан [12, 745].

Саъю кӯшиш низ роҳест, ки ба воситаи он метавон ба иқбол даст ёфт:

Ҳиммат он ҷо, ки бастааст камар,
Мӯр бар шер бурдааст зафар.
Арақи саъйи мард дар ҳама ҳол,
Нест бе обёрии иқбол [12, 748].

Дар маснавиҳои Бедил аҷзу нотавонӣ низ ба сифати авомили ғамзо ёд шудаанд, ки мо **бахши хаштуми боби савумро** ба ҳамин масъала бахшида, онро «**Ғамофаринии аҷз**» ном ниҳодаем.

Ғаме, ки ҳосили баён карда натавонишани мазмун аз тариқи лафз аст, хоси бузургони олами андеша мебошад ва ба ҷамъи мардум тааллуқ надорад. Мо ин ишқолро, ки сабабгори мушавваш шудани хоҳири бузургон ва парешонии рӯҳияи онҳо мегардад, ба он хотир зикр менамоем, ки дар маснавиёти Бедил мушоҳида мегардад ва онро дар осори абармардони дигари олами ирфон ба мисли Саной ва Мавлавӣ вохӯрдан мумкин аст.

Дар маснавии «Тилисми ҳайрат» ба очизии сухан аз мушоҳидаҳои ориф ишоратҳои равшан дида мешавад:

Садоро сурати бунёд додан,
Муяссар нест чуз барбод додан.
Чу маъдумӣ аён шуд, ҷустуҷӯ рафт,
Хамӯшӣ гашт ҳосил, гуфтугӯ рафт [11, 221].

Мувофиқи абёти зикршуда маълум мешавад, ки агар шахси ориф мехоҳад чизе аз мушоҳидоти ғайбӣ ба забон биёварад, ҳатман дар баёнаш лағжише (саҳве) роҳ меёбад. Мисли он аст, ки мо чизҳоеро мушоҳида мекунем, вале ҳамин, ки лаб ба баёни онҳо кушодем, мебинем, ки лафзи дигарро ба забон овардаем. Яъне «бечун» мафҳумест, ки берун аз доираи «чун» қарор дорад. Ғами орифон низ аз баёни ҳақиқи Илоҳӣ шояд ҳамин бошад.

Мунтаҳои таълимоти ирфон расидан ба висоли Ҳақ ва дарёфти ҳақиқест, ки барои шахсони дигар бояд пӯшида монад, чаро ки шарҳу тавзеҳи ҳақиқи мазкур дар калом намегунҷад ва ориф набояд дар баёни онҳо мушаввашхоҳиру ғамгин гардад, агарчи ин ҳарикӯро ором нагузорад. Чораи ин ғам сукут ва хомӯшист.

Таҳқиқи мафҳуми “ғам” ва авомили ғамбарангез дар маснавиҳои Бедил моро ба **хулосаҳои зерин** овард:

1. Аз пажӯҳиши амиқи мавзӯ маълум мегардад, ки ғам аз замонҳои хеле пеш дар тамоми осори хаттиву шифоҳӣ мавқеи намоён доштааст. Дарду ранҷ ҷузъи ҷудонопазири зиндагии инсонҳо ба шумор мераванд ва файласуфону ҳақимон ханӯз аз оғози тамаддун кӯшиш намудаанд, ки шеваи дурусти бархӯрдро бо онҳо муайян намоянд [1-М].

2. Натиҷагирии мо аз чустучӯи ғам чунин арзёбӣ мешавад, ки омилҳои зиёде ба мисли ноадолатиҳои иҷтимоӣ, ғурбат, ишқ, дарди дигаронро чун дарди худ пазируфтани ва гоҳе рақобати носолими эҷодӣ барои ҳузурии доимии он дар каломии мавзун замина фароҳам сохтаанд [1-М].

3. Аз он ҷо, ки пажӯҳиши мо мавзӯи ғамро дар маснавиёти Абдулқодири Бедил дар бар мегирад, бо назардошти ҳам намояндаи ҷаҳони шеър ва ҳам намояндаи олами тасаввуф будани ӯ, ҳузури ғамро дар ҳар ду ҷабҳа мавриди омӯзиш қарор додем. Нахуст назари намояндагони олами ирфонро ба ғаму дард муайян карда, ба натиҷае расидем, ки ғам ё худ ҳузни дар тасаввуф аз аҳамияти вижае бархӯрдор будааст. Урафо ҳузро ба ду навъ - ҳузни мазмум ва мамдӯх қисмат намуда, ба ҳар кадоми он муносибати худро дар доираи таълимоти Қуръон, аҳодиси набавӣ ва дидгоҳи ирфонӣ ба роҳ мондаанд [1-М].

4. Иртиботи эҷодиёти Бедил бо ғам то ҳадест, ки яке аз қаҳрамонони маснавии «Тилисми ҳайрат» Ғам ном дорад. «Тилисми ҳайрат» нахустин маснавии эҷодкардаи ӯ ба шумор меравад ва дар таърих ба ин метавон гуфт, ки Абулмаонӣ ханӯз аз овони ҷавонӣ ба таъсири ғам ба рӯҳи инсон таваҷҷуҳи хос доштааст [1-М].

5. Бо пажӯҳиши мавзӯи бемориҳои қалби, ки зери як истилоҳи умумӣ, яъне «ғам» ҷамъоварӣ шуданд, чунин дастабандӣ кардем:

- ғамҳои раво ва ғамҳои нораво;
- ғамҳои гурезпазир ва гурезнопазир;
- носталжӣ ва навъҳои он.

Сипас, бо тааммул дар маснавиёти Абдулқодири Бедил, барои таҳқиқи ҳузури онҳо дар низомии фикрии ин андешамард ба чустучӯ пардохтем. Дар пораҳои интихобкардаи ногузир ба натиҷае мерасем, ки Бедил дар мақоми як орифи ростин ғами пас аз фано ба бақо пайвастанро ғами раво медонад ва ҳамин аст, ки қаҳрамонони ду асари бузургҳаҷми ӯ («Ирфон» ва «Тилисми ҳайрат») дар охири саршори чунин ғами зебо дунёро падруд меғоянд. Ғамҳои нораво низ дар маснавиёти Абулмаонӣ зимни натиҷагирӣ аз ҳикояҳои, ки ба ҳайси намуна овардем, мушоҳида мегарданд [5-М].

6. Дастаи дувуми ғамҳо, ки бо иттифоқи назари ҳамаи андешамардон ба ғамҳои гурезпазир ва ғамҳои гурезнопазир ҷудо мегарданд, бо андак тааммул дар маснавиёти Абулмаонӣ ҷеҳраи худро барои хонандаи ҳушманд боз менамоянд.

Натиҷагирӣ аз ин бахши таҳқиқро метавон чунин қаламдод кард: Агар заминаи ангеҷаи ғами инсон сарнавишт, таъмини обу нон, ихтилофи ақоид ва монанди инҳост, гурез аз онҳоро бояд номумкин донист ва ҷорӣ онҳо сабру шикебоист. Аммо аз ғамҳои гурезпазире назари ғами сармоя, заъфи бадан, коҳилӣ, надоштани ҷойи муносиб дар ҷомеа ва амсоли онҳо метавон дар натиҷаи талошу ҳаракат раҳой ёфт [4-М].

7. Ба ҷуз ғамҳои равою нораво ва ғамҳои гурезпазир гурезнопазир дар маснавиҳои Бедил боз бо ғами дигаре рӯ ба рӯ мегардем, ки онро равшаносон «носталжӣ» меноманд. Муродифи «носталжӣ» дар забони форсӣ «ҳасрати гузашта» ва «ғами ғурбат» аст. Носталжӣ аз рӯи хусусиёти худ ба ду навъ, яъне ба «ғами ғурбати зехнӣ» ва «ғами ғурбати айнӣ» ҷудо мешавад. Ғами ғурбати зехнӣ он аст, ки инсон зерини таъсири он ба ёди асли худ меафтад. Ба ибораи дигар, он ёди маҳбуби азали, яъне Худованд мебошад. Назари Бедил ба ғами ғурбати зехнӣ мусбат аст, ба ин маъно, ки мақсуд аз дониш ва амали роҳравони олами ирфон печидан дар ҳамин ғами ғурбати зехнӣ мебошад.

Ғами ғурбати айни, ки навъи дувум аз носталжӣ мебошад, аз ғами ғурбати зехнӣ бо он чудо мешавад, ки ҳангоми печидан дар он қаҳрамони қисса ба ёди ватан, зодгоҳ ва шахсони маҳбубаш меафтад. Абулмаонӣ агарчи сӯзу гудоз дар фироқи ёр ва шахсони наздикро як ранчи сангин медонад, боз ҳам бо диди ҳақимона онро ба мояи тасаллӣ табдил медиҳад. Аз нигоҳи ӯ фироқ ва ғами ғурбати айниро инсонӣ огоҳ метавонад ҳамчун василаи шинохти ишқ бипазирад ва аз ин огоҳӣ бар худ биболад [3-М].

8. Дар маснавиҳои Бедил омилҳои ғам гуногун буда, қисмате аз онҳо атои сарнавиштанд ва қисмати дигарашон пайомади кирдори носавобест, ки инсон онҳоро гоҳ огоҳона ва гоҳ ноогоҳона содир менамояд [1-М].

9. Аз ҷумлаи аввалин омили ғамзо метавон ноадолатҳои иҷтимоиро ном бурд, ки ба осонӣ ҳар фардиро ба дарду ғам мувочех мегардонанд. Аз нигоҳи Абулмаонӣ, зулм дарбаргирандаи кулли разолат, ғамҳо, ранҷҳо, ҳасратҳо, дардҳо ва зиштиҳои олам мебошад [1-М].

10 Ҳирсу тамаъ ва сарватпарастӣ низ омилҳои ғамбарангезанд. Шахси ба сарватандӯзӣ ҳарис, дар баробари он ки худ ба ранҷу азоб гирифта мешавад, бидуни ихтиёр ва ё огоҳона дигаронро низ ба ғаму дард гирифта мекунад [1-М].

11. Бедил кирдори ношоистаро, ки худбартарбиниву мағрурӣ ва адабношиносӣ намунаи онҳо мебошанд, накуҳиш намуда, муътақид аст, ки фарди адабношинос, бо вучуди дорои истеъдоди фавқулода буданаш, наметавонад аз хостаҳои худ натиҷаи муфид ба даст оварад ва анҷоми кораш печиш дар ғаму ҳасрат хоҳад буд [1-М].

12. Имтиҳоноти гуногуне, ки зиндагӣ пешорӯи шахс мегузорад, метавонанд зояндаи ғам бошанд. Раҳой аз ин омили дарду аламҳоро Бедил дар сабру таҳаммул ва нигоҳи файласуфона андохтан ба ҷаҳон мебинад [1-М].

13. Нодонӣ ва ғафлат низ аз сабабҳои ғампешагии инсонанд. Ба андешаи Бедил, чун Худованд мазҳари доной ва огоҳӣ аст, инсон низ, ки мартабаи халифаи Худоро дорад, бояд пайи ба даст овардани ин сифот кӯшиш намояд ва ба ҳамин васила худро аз дарду ранҷи нодониву ғафлат раҳо намояд [1-М].

14. Бо вучуди он ки шоирони ориф, аз ҷумла Бедил, ишқро поктарин ва муқаддастарин ҳисси инсонӣ ва сабабгори офариниши оламу одам медонанд, аз хусусияти ғамбарангезии он низ сарфи назар накардаанд. Ба андешаи Бедил, танҳо аз раҳи сидқ ва таҳаммули дарду ранҷ мешавад дар муҳаббат хушком гашт, зеро душвории пешомада шахси аз рӯи ҳавову ҳавас ба ин роҳ рафта гирифтаи ғаму андуҳи ноқомӣ менамоянд [1-М].

15. Аз нигоҳи Бедил, адами иқбол ва номуваффақ будан дар корҳоро, ки боис ба ғамнок шудани дили афроди гуногун мегарданд, бояд самараи сустӣ, камҳаракатӣ ва интиҳоби масири нодуруст дар зиндагӣ бидонем. Инсон метавонад ба василаи кирдори шоиста, оқибатбинӣ ва интиҳоби дурусти касбу пеша аз бадрӯзгорӣ раҳой ёбад [1-М].

Хулоса, аз диди ҳақимонаи Мирзо Бедил, бо вучуди он ки дар зиндагӣ бидуни ғаму андуҳ зиндагӣ кардан номумкин аст, инсон бояд бо дастгирии ақли солим ва таҷрибаи зиндагӣ роҳи муносибат ба ин унсурӣ равангоҳро дарёбад ва барои хушбахтона зиндагӣ намудан саъю кӯшиш намояд.

МУҲТАВОИ АСОСИИ ДИССЕРТАТСИЯ ДАР ТАЪЛИФОТИ ЗЕРИНИ МУАЛЛИФ ИНЪИКОС ЁФТААСТ:

I. Монография:

[1-М]. Салимиён О.С. Мафхуми «ғам» ва омилҳои ғамбарангез дар маснавиёти Мирзо Абдулқодирӣ Бедил. – Душанбе, 2020. – 176 саҳ.

II. Мақолаҳои интишорёфта дар маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон:

[2-М]. Салимов М.С. Шоире бо ашъор ва рӯзгори муаммоӣ // Салимов М.С. / Паёми Донишгоҳи давлатии Қўрғонтеппа ба номи Носири Хусрав. Маҷаллаи илмӣ (баҳши илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ). – Қўрғонтеппа, 2017. – №1/3 (47). – С. 10-17.

[3-М]. Салимов М.С. Ғами ғурбат аз нигоҳи Бедил // Салимов М.С. / Паёми Донишгоҳи давлатии Қўрғонтеппа ба номи Носири Хусрав. Маҷаллаи илмӣ (баҳши илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ). – Қўрғонтеппа, 2018. – №1/2 (53) – С.37-40.

[4-М]. Салимов М.С. Ғамҳои гурезнопазир дар маснавиҳои Бедил // Салимов М.С. / Паёми Донишгоҳи давлатии Қўрғонтеппа ба номи Носири Хусрав. Маҷаллаи илмӣ (баҳши илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ). – Қўрғонтеппа, 2019. – №1/3 (65) – С.78-82.

[5-М]. Салимиён О.С. Ғамҳои гурезнопазир дар маснавиҳои Бедил // Салимиён О.С. / Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Маҷаллаи илмӣ (баҳши илмҳои филологӣ). – Душанбе, “Сино”, 2019. – №8. – С. 205-207.

III. Мақолаҳои дар дигар маҷаллаҳо батабърасида:

[6-М]. Салимов М. (Озар). Ғами худшиносӣ дар осори Бедил Дехлавӣ ва Иқболи Лоҳурӣ // Салимов М. (Озар). / Маҷаллаи “Рӯдакӣ”. Фаслномаи пажӯҳишҳои забонӣ ва адабӣ дар Осиеи Миёна. Давраи 16. Шумораи 45. Пойиз ва зимистони 1399. С–61-75.

[7-М]. Салимов М.С. Мавзӯи адолат дар ашъори Бедил // Салимов М.С. / Маҷаллаи таълимию маърифатии “Мактаб”. – Душанбе, 2017. - №9. – С. 45-48.

[8-М]. Салимов М.С. Бедил ва муҳити адабии замони ӯ // Салимов М.С. / Маҷаллаи таълимию маърифатии “Мактаб”. – Душанбе, 2018. - №4. – С. 39-41.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. АЙНИ**

На правах рукописи

УДК 981.550 – 3

САЛИМИЁН ОЗАР САИДЗОД

**ПОНЯТИЕ ПЕЧАЛИ И ФАКТОРЫ ВЫЗЫВАЮЩИЕ ГРУСТЬ В МЕСНЕВИ
МИРЗО АБДУЛЬКАДЫРА БЕДИЛЯ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность: 10.01.01 – Таджикская литература

ДУШАНБЕ - 2021

Диссертация выполнена на кафедре таджикской литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава.

Научный руководитель: **Тагаймуродов Рустам Хакимович**, доктор филологических наук, профессор кафедры таджикской литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава.

Официальные оппоненты: **Саидджафаров Озод Шовалиевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского языка Таджикского государственного финансово-экономического университета.

Мухаммадиев Шамсиддин Муродович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории литературы Институт языка и литературы им. А. Рудаки АННТ.

Ведущая организация: Худжандский государственный университет имени академика Бободжонова Гафурова

Защита диссертации состоится «6» мая 2021 года в 13⁰⁰ часов на заседании Диссертационного совета 6D. КОА -028 при Таджикском государственном педагогическом университете им. Садриддина Айни (734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 121).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни [www. tgpu.tj](http://www.tgpu.tj).

Автореферат разослан _____ 20 __ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.ф.н., доцент:

Мирзоалиева А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Абульмаони Мирзо Абдулькадыр по прозвищу Бедиль (1644-1721 гг.) считается одним из величайших представителей индийского стиля в персидской литературе. Проблема изучения жизни и творчества Мирзо Абулькадыра Бедили в Таджикистане и в персоязычных странах мира в какой-то степени подвергнута исследованию, но в творчестве этого великого поэта персидско-таджикской литературы есть немало неосвещенных вопросов, среди которых важное место занимает тема горя, печали и горевозбудительные факторы в его месневи.

На первый взгляд, кажется, тема горя и печали имеет тесную связь с психологией, и не имеет никакого отношения с литературоведением. Однако научные исследования показывают, что литературоведение с каждым годом охватывает всё более широкие вопросы, имеющие, в том числе и психологического характера. Для подтверждения этой мысли можно привести немало примеров из статей учёных России и Ирана, в частности Тахира Мирзои и Мустафа Гурджы [88]², Махди Шарифиён [147], доктор Гафури [70], Мустафа Гурджы, Фатима Купо, Мухаммадризо Кухандони [67], Алиризо Араб [52], Степанова М.А. [185], Перевезенцев С.В. [178], Зорин К. [217], Николаева Е.Т. [230] и др., исследующих тему горя и печали в литературе.

Иранский исследователь Маъсума Худодод Мехобод пишет следующее: «Психология и литература, несомненно, имеют тесную связь между собой. С одной стороны, каждый литературный текст – это некое творение, вышедшее изнутри и интеллекта своего творца, и может стать выразителем психологического состояния поэта или писателя. С другой стороны, каждый литературный текст, особенно поэма, состоит из героя и других личностей и многие литературные критики убеждены в том, что истинный герой поэмы является выразителем жизни самого поэта. Тогда посредством литературного произведения можно находить пути к жизни и душе литератора» [226, 8].

Толкование литературы в значении науки, которая не ограничивается суждением о нравственных достоинствах или отказе о злодеянии, узнаванием различия между поэзией и прозой, литературных течений, системы аруза и построении форм в литературоведении. Одна из особенностей литературы – отражение внутреннего мира человека, его печали, тоски и сожаления, формирование мысли, характера, реакция индивида на разные события в его жизни. Исследование внутреннего мира человека, с точки зрения литературы, имеет схожесть с исследованиями психологической науки.

Другой проблемой, обеспечивающей связь литературы с психологией, является изучение поведения, чувства радости и печали, воображения, переживания, слабости и могущества человека. Не только внутреннее состояние героев того или иного художественного произведения, которое совершенствуется в процессе развития событий, но и воображение и переживания создателя произведения связаны с психологическими знаниями. Например, научные понятия «божественность», «вдохновение» или «дьявол стиха», упомянутые в стихах древнегреческих поэтов и арабских поэтов доисламского периода, могут создавать предпосылки для совместного исследования литераторов и психологов.

---

² Цифры в скобках указывают на литературу в диссертации

Психологическое состояние боли, печали, сожаления воздействовало на душу героев произведения, что выходит из внутреннего мира самого писателя или поэта, в XIX веке основало литературную психологию и Зигмунд Фрейд – австрийский психолог стал её основоположником. В этом способе исследования изучается внутреннее состояние литератора – скрытые боли и страдания и его воображение, так как произведение или написанный текст считается отражением его сути.

Автор статьи «Психологический портрет литературы», русский исследователь Степанова М.А. выделяет три психологические единицы в литературе: ожидание, действие и характер. Степанова М.А. на первое место ставит страдания от ожидания, приводит мысль Л.С. Выготского о том, что ожидание является элементарной единицей изучения личности и её окружающей среды. Исследователь для более полного подтверждения своей мысли приводит предложение из повести «Зигмунд Фрейд» писателя С. Цвейга и представляет читателю: «Личность индивида воспринимается не с помощью замороженных формул, а посредством изучения роли ожиданий, ниспосланных для них судьбою» (185, 112).

Исследование человеческой боли и страдания или печали и сожаления, оформляемого языком писателя и поэта, имеет особое место в литературной психологии, упомянутая проблема всесторонне изучается учёными Запада. Вероятно, по этой причине персоязычные исследователи в области литературной психологии обращались к произведениям тех авторов, которые испытывали душевные переживания. Так, предметом изучения исследований Суруша Шамисо и Хусайна Поянда в упомянутом направлении были произведения писателя Садыка Хидоята.

Исследования темы горя и боли свидетельствуют о том, что упомянутые понятия с самого начала человеческой цивилизации играют важную роль в письменных произведениях и присутствуют не только в художественных, философских произведениях, в фольклоре, но и в религиозных книгах. Поэзия, особенно персидская поэзия, с самого начала своего появления переплетается с горем и печалью и если каждый захочет вычеркнуть любовные муки из неё, нанесёт удар её величию, ничего не оставив для чтения. Печаль и муки, отражённые в стихах поэтов, исследователями связываются с социальными, культурными, политическими, философско-познавательными процессами, с божественной и земной любовью, индивидуальными и национальными чаяниями.

Несмотря на то, что в мировом литературоведении существует немало исследований по теме печали в произведениях литераторов, в нашей стране эта тема не подвергнута серьёзному изучению. Известный литературовед Худои Шарифзода, в ретроспективном анализе этой проблемы, в статье «Хасратномаи шоирон» (Переживания поэтов) заявляет: «Надеемся, что откроются двери дискуссий и исследований этой темы в таджикской литературе и выявится её литературно-художественная ценность для нынешнего читателя и будущего художника слова» [146, 187].

В произведениях Мирзо Абдулькадыра Бедиля, считающегося одним из величайших поэтов таджикско-персидской литературы, наиболее распространённым является понятие печали. В частности, в месневи Бедиля это понятие в русле создания новых смыслов приобретает различные семантические оттенки.

В своей диссертации мы стремились открыть двери дискуссиям и исследованиям и высказывать свою точку зрения относительно различных сторон этой темы в месневи Мирзо Абдулькадыра Бедиля.

Степень изученности темы. О биографии и творчестве Бедиля дают сведения антологии, годы издания которых близки к эпохе жизни поэта. К ним относятся: «Тазкираи Насрободи» (Антология Насрободи) Мирзотохира Насрободи, «Миръот-ул-хаёл» (Зеркало воображения) Шералихона Луди, «Калимот-уш-шуаро» (Слова поэтов) Мухаммадафзала Сархуша, «Хамешабахор» (Вечно цветущий) Кшанчандни Ихлоса, «Миръот-ул-воридот» (Зеркало входящих) Мухаммадшафе Вориди Техрони, «Сафинаи Хушгу» (Антология Хушгу) Биндрабандоса Хушгу, «Сарви озод» (Свободный кипарис) и «Хизонаи омира» (Казна повелителя) Мир Гуламали Озода, «Риёз-уш-шуаро» (Сад поэтов) Аликулихона Воли и «Мачмаъ-ун-нафаис» (Сборник изящных искусств) Сироджиддина Алихона Орзу. Исследователи биографии Бедиля в своих трудах более всего опираются на эти антологии. Другие антологии, изданные позднее, к которым относятся «Тазкираи беназир» (Бесподобная антология) Абдулвахоба Ифтихора, «Сухуфи Иброхим» (Страницы Иброхима) Али Иброхимхона Халила, «Хулосат-ул-афкор» (Обобщающие мысли) Абуталибхона Исфакхани, «Наштари ишк» (Остриё любви) Хусайнкулихона Азимободи, «Натоич-ул-афкор» (Результаты размышлений) Кудратулло Гупомуй и «Шамъи анчуман» (Свеча собрания) Мухаммадсиддика Хасанхона, в бедиловедении имеют второстепенное значение, так как повторяют сведения, полученные из других антологий.

Из афганских литературоведов XX века Халилуллох Халили в своём трактате «Файзи кудс» (Блага чистоты) подробно описывает жизнь и творчество Бедиля. Сравнивая некоторые сведения, упомянутые в предыдущих антологиях, с произведением «Чахор унсур» (Четыре элемента) Абульмаони, подвергает их сомнению. Его трактат играет особую роль в исследовании жизни и творчества Бедиля. Следует отметить, что Халили, кроме вышеприведённых трактатов, приводит трактат «Мураккаи Дехли» (Лоскутный Дели), принадлежащий перу Зулкадра Даргохкулихона Солорджанга Хонидаврона (год издания 1151). Этот автор первым извещает о стиле Бедиле на могиле поэта [134, 76]. Однако не только Халилуллох Халили сомневается в достоверности сведений, приведенных в антологиях. Таджикский учёный-бедиловед Бобобек Рахими в своей книге «Ошнои бо Бедил» (Знакомство с Бедиле) несколькими вескими аргументами отрицает достоверность некоторых сведений, отражённых в упомянутых антологиях.

Изучение жизни и творчества Бедиля в таджикском литературоведении берет начало с исследования Садриддина Айни [50]. Впоследствии исследователи Б. Рахими [108], Д. Тохири [130], Х. Иброхимов и М. Мухиддинов [78], Мирзо Одина [106], Б. Хамдамов [138] и Н. Нурзод [103] опубликовали свои сочинения, посвященные жизни и творчеству Абульмаони в форме книги. Также в периодической печати были опубликованы статьи А. Сатгорзаде [121], О. Бухари [60], Ш. Хусейнзода [142], Н. Нурзода [104], Б. Рахими [110], З. Гаффоровой [67], Т. Нозимова [102], М. Аджамии [55], охватывающие эту тему. В то же время

заслуживает внимания исследования узбекистанского учёного Ш. Шукурова, который наравне с несколькими научно-исследовательскими статьями свою докторскую диссертацию посвятил различным сторонам жизни и творчества Бедиля [192].

Ценные исследования были проведены такими афганскими учёными, как Салохиддина Сальджуки [116], Нурулхасан Ансори [54], Гулям Сарвар [118], Халилуллох Халили [134], Мухаммадиброхим Халил [133] Абдульгафура Орзу [107]. Среди пакистанских бедиловедов Хаджа Абдуррашид (45), доктор Абдульгани (71) и среди индийских исследователей Шибли Нугмани (105) внесли достойный вклад в освещении жизни и творчества Абульмаони. Из иранских учёных Шафеи Кадкани [79], Ахмад Гулчин Маони [84], Абдульхусайн Зарринкуб [74], Хасан Хусайни [141], Мухаммадтаки Бахор [59], Забехулло Сафо [122], Мухаммадхусайн Баёт [56] и Ворас Кирмони [61] посвятили свои исследования этой проблеме.

Наравне с указанными произведениями, принадлежащими перу профессиональных литературоведов, проблемой философского мировоззрения Бедиля заняты отечественные и зарубежные философы. В бывшем Советском Союзе философские взгляды Бедиля впервые были подвергнуты отдельному исследованию академиком И. Муминовым [160]. Этот учёный, наравне с анализом и рассмотрением философской теории и социально-политических взглядов Бедиля высказывает своё мнение о влиянии Бедиля на таджикскую и узбекскую литературу. Впоследствии таджикские философы Бахоуддинов А. [160], Садыкова Н. [182] и другие различные произведения Бедиля исследовали с философской точки зрения. Поскольку тема нашей научной работы имеет тесную связь с философией, в процессе исследования мы использовали взгляды этих учёных.

Несмотря на большое внимание к различным аспектам творчества Бедиля, до сих пор не исследована тема печали и факторы возбуждающие грусть в его произведениях. В целом, данная тема в нашей стране считается малоизученной. Однако можно найти немало сочинений, связанных с этой темой, примеры которых мы привели выше.

В русскоязычных научных кругах многие ученые подвергли научному исследованию эту тему, и мы при исследовании использовали научные труды И.Вертолева [210], И.Волостных [211], Д.Колесовой [222], К. Зорина [217], С. Перевезенцева [178], Е. Николаевой [230], А. Недува [177], М. Степановой [185], Г. Горланов [212], Л.Чесноковой [190] и Ч. Найюе [229].

Среди особенностей сочинения русских исследователей выделяется то, что они в произведениях своих поэтов и писателей особое внимание обратили поиску «феномена русской печали» и демонстрировали всему миру русский менталитет. Так, Перевезенцев Сергей Вячеславович в своей статье «Феномен русской печали» пишет: «Известно, что состояние печали испытывает каждый человек, независимо от расовой и религиозной принадлежности. Несмотря на это, чувство печали также имеет национальные признаки» [178, 3].

Таким образом, несмотря на то, что тема печали не имеет своего места в таджикском литературоведении, существует немало её примеров в мировом

литературоведении, и они служат теоретическими источниками нашего исследования.

Цели и задачи исследования. Основной целью данной научной работы является исследование и изучение темы печали и факторы вызывающие грусть в месневи Мирзо Абдулькадыра Бедиля. Для достижения этой цели в диссертации поставлены следующие задачи:

- изучение места печали в религии и мифологии;
- определение взглядов ученых на понятие «печали»;
- исследование понятия печали в произведениях персоязычных литераторов;
- анализ и изучение темы печали в месневи Бедиля и узнавание его пределов;
- месневи Бедиля и классификация печали в них, допустимая и недопустимая печаль неизбежная и неизбежная печаль;
- место ностальгии или прошлой печали и тоски в месневи Бедиля;
- рассмотрение факторов вызывающих грусть и узнавание их пределов в месневи Бедиля.

Методы исследования и его теоретическая база. Теоретическую и методологическую базу данного исследования составили сравнительно-исторический, сопоставительный и другие методы, а также анализ литературного текста. При написании диссертации были учтены теоретические взгляды и исследования таких отечественных и зарубежных учёных, как Абдульхусайн Зарринкуб [73,74,75,76], Маликушшуаро Бахор [59], Бадеуззамон Фурузонфар [132], Забехуллох Сафо [122, 123,124], Косим Гани [63], Шафеи Кадкани [79,80], Хасан Хусайни [141], Халилуллох Халили [134], Рейнольд Никольсон [101], Евгений Эдуардович Бертельс [158,159], Садриддин Айни [50], Шарифджон Хусейнзода [142], Худои Шарифзода [146], Абдунаби Сатторзода [121], Абдулманнон Насриддин [95,96,97,98] и другие.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в таджикском литературоведении подвергнуты исследованию и изучению понятие печали в месневи Мирзо Абдулькадыра Бедиля. Хотя понятие печали является наиболее употребительным термином персидской поэзии, до сих пор таджикскими литературоведами не предприняты серьёзные усилия для исследования и изучения этой темы в произведениях литераторов. Данная диссертация открывает новую страницу в таджикском литературоведении и укрепляет его богатство.

Источники исследования. Диссертация написана на основе произведений Бедиля, особенно его месневи «Тилисми хайрат» (Талисман изумления - 11), «Тури маърифат (Синай знания – 11), «Мухити аъзам» (Великий океан – 11), «Ирфон» (Познание – 12). Вместе с тем, использованы научные, философские и литературные произведения, упомянутые в списке использованной литературы. В этот список также вошли литературные произведения современников Бедиля.

Научно-теоретическое значение исследования заключается в том, что достигнутые результаты будут способствовать всестороннему исследованию различных вопросов литературоведения, изучению психологических проблем в художественных произведениях.

Диссертация предоставляет богатый теоретический материал исследователям, которые готовы к исследованию такого рода проблем. Также результаты исследования способствуют заполнению пробелов в современном таджикском литературоведении откроют новые пути для дальнейшего исследования психологических проблем в художественной литературе.

Практическое значение диссертации проявляется в том, что её материалы могут служить источником для составления учебников и учебных пособий, а также научных статей и диссертаций. Также полученные результаты могут использоваться при проведении лекционных и практических занятий по спецкурсам и спецсеминарам на филологических факультетах вузов республики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Печаль как психологическое состояние человека с древних пор подвергается исследованию, изучению, дискуссии представителями религиозной и светской наук и в качестве стержневой темы отражается в мифах и легендах народов всего мира.

2. Персидско-таджикскую поэзию невозможно представить отдельно от печали и её присутствие наблюдается в произведениях каждого поэта прошлого и современности.

3. В произведениях Мирзо Абдулькадыра Бедиля, в частности в его месневи, печаль является основной и стержневой темой.

4. С философско-мистической позиции в месневи Бедиля боли и печали человека делятся на две группы: приемлемые и неприемлемые, восхваляемые и порицаемые. Приемлемые печали – это такие печали, когда человек из-за своей слабости, беспомощности не может совершать добрые дела, неприемлемые печали – это печали, когда человек сталкивается с материальными проблемами в ежедневной жизни.

5. В творческой мастерской Бедиля печаль можно делить на две группы во взаимосвязи с проявлением человеческой воли: избежная печаль и неизбежная печаль. Печаль, связанная с судьбой, с обеспечением быта, возникающих противоречиями взглядов, считается неизбежной. Однако, можно избежать печали, при этом проявляя волю и усилие, изменяя образ жизни. К избежной печали относятся: отсутствие богатства или бедность, болезни, бездеятельность, отсутствие достойного места в обществе и др.

6. При прочтении месневи Бедиля становится ясно, что различные факторы приводят человека к грусти и печали. К ним относятся: социальная несправедливость, бедность, безвыходное положение, алчность, подражательство, любовь, беспомощность и недостойное поведение.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и представлена к защите на заседании кафедры таджикской литературы БГУ имени Носира Хусрава (№4 от 30.11.2019 года), а также на секции по литературоведению Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (протокол № 29, от 22. 04. 2020 года). Основное содержание диссертации изложено в одной монографии, 7 научных статьях, из них 4 статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан и ВАК Министерства образования и науки РФ. Основные выводы диссертации также в качестве докладов представлены на научных конференциях профессорско-преподавательского состава Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава (2016-2019 гг.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 180 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении диссертационной работы обоснована актуальность темы исследования, определена степень изученности темы, изложены цели и задачи, научная новизна, использованные источники, методы исследования и его методологические основы, основные положения, представленные к защите, практическая и теоретическая ценность научной работы.

Первая глава диссертации «Рассмотрение места печали в религии, мифологии, науке и литературе» состоит из трёх параграфов. **Первый параграф** называется **«Место печали в религии и мифологии»** и посвящается исследованию данной темы в мифологии, религии, науке, литературе различных наций и народностей.

При глубоком исследовании становится известно, что печаль с древних времён занимала важное место во всех устных и письменных произведениях. С первыми примерами печали и боли встречаемся в литературных и религиозных произведениях Древней Греции, Индии и Ирана. Например, среди слов Будды, переведённых на многие языки мира в качестве нравственного пособия, встречаемся со следующим предложением: «Если собрать все слёзы, проливающиеся от печали и тоски в этой жизни, то ими можно заполнить все реки, тем не менее, пока жив человек, он должен проливать слёзы» [111, 38]. Примечательным явлением, которое наблюдается в других философских направлениях Древней Индии, например, в санхья считается то, что они печаль делили на три вида. Первым из них является адхятмика, которая охватывает боль и горькую долю, что исходят из нрава самого человека [111, 45]. Эта идея, т.е. поиск боли и печали находит своё развитие и в последующих веках, особенно в современной эпохе.

В исламской мистике «хузн» и «хазан» – это слова, которые приобрели терминологическое значение. Лексическое значение «хузн» – твёрдая и неровная земля [221,5]. Опираясь на эти значения, суфии имели в виду острую боль и печаль в связи с каким-нибудь происшествием.

В мистике «хузн» по своим свойствам делится на две группы: одобряемый и порицаемый. Порицаемый хузн – для потери светских дел. Бог запрещает мусульманам порицаемого хузана и в «Коране» говорит, что не печальтесь, если что-то потеряете. Однако, одобряемый хузн проявляется в выполнении воли Аллаха, поэтому считается допустимым.

Второй параграф называется **«Взгляды философов и учёных на понятие печали»** и посвящается анализу и исследованию мыслей философов относительно печали и тоски.

О понятии печали и её факторов философами и учёными были высказаны привлекательные мысли, некоторые из них в качестве примера приведены в диссертации. Например, автором использованы взгляды Абулькасыма Якуба ибн Исхака Кинди, Ахмада бинни Мухаммада Муская (Мускавейха), Авиценны, Насреддина Туси, Имама Газзали, американского писателя Дейла Карнеги, английского писателя и философа Джеймса Аллена, французского писателя и философа Мишеля Монтена, английского философа Бертранда Росуля, писателя – обладателя нобелевской премии Джона Максвелла и др.

При изучении взглядов упомянутых учёных и философов становится известно, что присутствие печали и тоски, несмотря на свою неприятность, кажется

пробным камнем, посредством которого человек испытывает свою суть. По этой причине мечта о жизни, далёкой от боли и печали, на первый взгляд, кажется привлекательной, но на самом деле человек, добившийся такой жизни, является несчастным. Человек только посредством испытания трудностей и лишений закаляет свою мысль, волю и душу. А если глубже подумать, то можно ли представить себе счастье без несчастья. Конечно, нет, так как одним из истинных аргументов присутствия печали является стремление к достижению радости и веселья.

В вопросе о том, что человек как должен относиться к явлениям страдания и печали, взгляды учёных таковы: если можно избежать печали и страдания, то нужно использовать этот путь, иначе придётся только терпеть. Терпение даёт нам возможность размышлять о боли и страданий и приобретать какую-то нравственную пользу.

Третий параграф первой главы называется «**Проблема печали и её вариант в творческой мастерской поэтов**». Персидская поэзия с начала своего существования связана с болью и печалью и, естественно, что тайна этой сопричастности нуждается в отдельном исследовании. Правильно воспринимая эту нужду, учёные из персоязычных стран проводили в этом направлении глубокие исследования, которых мы использовали при написании своей диссертации.

Знакомясь с тысячелетней историей персидской литературы можно увидеть, что печаль присутствует во всех литературных жанрах, в частности, в касыде, газели, рубаи, дубайти и месневи, и если поэты при восхвалении счастья пользуются гиперболой, то это не что иное, как протест против печали и грусти.

Стихи последователей индийского стиля привлекательны в описании печали, в изложении любовной печали, слабости возлюбленного относительно своей возлюбленной. Они основываются различными социальными и философскими аспектами и течениями софистики того времени. Иранский исследователь Фарида Довуди в своей статье «Отражение печали и горя в индийском стиле» (с опорой на газели Калима Кошони) по этому вопросу пишет следующее: «Размышляя над стихами индийского стиля, особенно сочинителей газелей, находим, что печаль и безнадёжность часто встречаются в индийском стиле, причину которых можно искать в различных факторах, например, в социально-экономических, культурных и политических проблемах эпохи Сафавидов, а также в индивидуализации стихов того времени, в изгнании, в печали и тоске по родине на чужбине в отражении гнёта и насилия над людьми, во влиянии мыслей о тройной печали и мучений в индийской философской школы...» [214, 14].

На наш взгляд, права Фарида Довуди, которая социальное положение и тяжёлую жизнь литераторов связывает с увеличением печали и тоски в стихах индийского стиля. Однако нельзя этим ограничиваться. Мы полагаем, что печаль и мучения носят индивидуальный характер, во всяком обществе, в любых условиях может проявиться от души поэта или остаться скрытой. Например, Бедиль пользовался особым авторитетом в обществе того времени, однако когда в «Ирфоне» описывает тяжёлую жизнь землевладельцев, невольно глаза наполняются слезами. Отсюда становится ясно, что боль поэта – это не только боль его сердца, так как во все времена великие поэты боль трудового и нищего народа считали собственной болью и отражали её в своих стихах.

При поиске печали мы пришли к следующему заключению: многие факторы, как социальная несправедливость, жизнь на чужбине, любовь, принятие чужой

боли как собственную, нездоровые творческие противоречия для постоянного их присутствия в художественном слове создавали условия для возникновения печали.

Вторая глава диссертации называется **“Тема печали в месневи Бедиля”**. Её **первый параграф – “Ретроспективный анализ содержания месневи Бедиля”** посвящается характеристике четырёх месневи Бедиля: “Ирфон” (Познание), ”Мухити аъзам” (Великий океан), “Тилисми хайрат” (Талисман изумления), “Тури маърифат” (Синай знания).

В поэтических произведениях Бедиля, за исключением “Тилисми хайрат” (Талисман изумления), отсутствует единый сюжет, и только упорядоченные мысли поэта связывают главы этих произведений.

Крупный по объёму месневи Бедиля – “Ирфон”, кроме охвата глубоких, извилистых философских мыслей, усложняющих чтение, также отличается особенностью языка.

Следует отметить, что от читателя требуется терпение, так как читатель привык к тому, что он в поэтических и прозаических произведениях легко определяет сюжетную линию и следит за развитием событий, однако в упомянутых месневи этого делать нелегко. Некоторые элементы сюжета наблюдаются только в третьей части месневи, когда приводятся многочисленные притчи, которые утомляют инертного читателя.

Более крупный по объёму месневи Бедиля называется ”Мухити аъзам” (Великий океан). В основном, то, что сказано было бы об “Ирфоне” в какой-то степени относиться к этому месневи, к тому же в этом месневи полностью отсутствует сюжетная линия. “Мухити аъзам” можно считать “Саки-наме”, который не имеет аналога в персидской литературе. В этом месневи поэт, обращаясь к кравчему, излагает важнейшие вопросы воспитательного характера. В упомянутом произведении в связи с темой разделов наблюдаются как малые, так и большие рассказы.

Среди поэтических произведений Бедиля сюжетная линия наблюдается только в месневи “Тилисми хайрат” (Талисман изумления). В этом басенном месневи Душа, путешествуя по человеческому телу, достигает единения. В “Тилисми хайрат” одна из героинь месневи – Печаль и в диссертации мы подвергли дискуссии эту тему.

Четвертое месневи Бедиля является “Тури маърифат” (Синай знания). В нём, вопреки трём предыдущим месневи, философские мысли малочисленны, вероятно, по причине его занимательного характера. Хотя, на наш взгляд, этот аргумент не претендует на истину, так как ход размышлений Абульмаони не терпит несвязанности, и логическая последовательность наблюдается во всех его произведениях. Однако, более всего в месневи читателя впечатляет необычное описание картин природы.

В целом, все месневи охватывают глубокие мысли, и рассуждая об их особенностях, подчёркиваем, что поэт во всех своих поэтических произведениях не допускал разрыва в логическом выражении мысли. Поэтому, несмотря на самостоятельность, по постановке проблем они в какой-то мере схожи друг с другом.

Второй параграф данной главы называется **“Допустимая и недопустимая печаль в месневи Абульмаони”**.

Следует отметить, что допустимая и недопустимая печаль существует в каждом произведении и, хотя в произведениях нет прямого указания на эти печали, читатель, наблюдая за поведением главного героя осознаёт это. Например, Ахиллес из легенд Древней Греции, Жюльен из романа “Красное и чёрное” Стендаля и Исфандияр из “Шахнаме” Фирдоуси охвачены недопустимой печалью. В этих произведениях стремление к славе, несмотря на обладание физической силы, ведёт героев к неудаче. Допустимая печаль более всего присуща религиозным и нравственным легендам и, как было отмечено выше, в связи с уменьшением влияния религии на общество, она потеряла своего места в романах и повестях нашего времени. В настоящее время роль допустимой (одобряемой) печали играют доброта и отзывчивость, скромность и другие достойные качества.

Изучая избранные отрывки, с терпением наблюдая за работой беспечного соловья из месневи “Ирфон”, плачущего человека из месневи “Мухити аъзам”, и за разговором любви с шахом из месневи “Тилисми хайрат” заключаем, что Бедиль в качестве настоящего суфия печалится мыслью о переходе с бранного мира в вечный мир, поэтому два героя его произведений (“Ирфон”, “Тилисми хайрат”), очарованные красотой такой печали, покидают этот бранный мир.

В месневи Бедилия, наравне с допустимой и одобряемой печалью, также описывается недопустимая печаль. Например, в месневи “Ирфон” наблюдается недопустимая печаль (в плену хвастовства и страстей) при чтении рассказа “Масале хаст дар ин афсона, - Хомии фитрати он парвона” (В этой сказке есть и притча одна – Недостаточность ума того мотылька). Из слов мотылька выходит, что для совершенствования способностей и для завершения своей миссии, т.е. для сожжения, не нужны никакие украшения. Иносказательно, Бедиль указывает на то, что для истинного влюблённого достаточно боль любви, а мечта о славе и зазнайство на этом пути – неодобряемая печаль.

В месневи “Тури маърифат” недопустимая печаль – это переход из единения к множеству. Это осуждается Бедилем в изложении “Дар сифати суман” (В описании жасмина). После распросов становится известно, что причина бед жасмина – потеря себя и очарование красотой других. Такое очарование и приостановка само совершенствования как фактор, удаляющийся от единства и стремящийся к множеству, осуждается жасмином:

*Если бы я как-то мог взглянуть на себя,
В талисман нежности окутался бы я.
Теперь же я должен сжигать себя,
Поскольку я не познал себя.
Очарован красотой других,
Хотя в саду я не из последних³ [11, 647].*

Иногда наблюдается незначительное расстояние между допустимой и недопустимой печалью и выявляется в случае раскаяния. Герои таких произведений, узнав о своих ошибках, раскаиваясь, стремятся исправить их. В таких случаях раскаяние можно считать мостом между допустимой и недопустимой печалью и в связи с тем, что человек в свои представления считает хорошим или плохим, он стремится изменить жизненный путь.

---

³ Подстрочный перевод выполнен автором

Таким образом, раскаяние в приведённых примерах месневи Бедиля метафорически выполняет роль моста, соединяющего допустимую печаль с недопустимой печалью.

Третий параграф второй главы называется **“Ностальгия или печали и страдания прошлого в месневи Бедиля”**. В нём исследуется и рассматривается этот вид печали в месневи Бедиля.

Многие учёные прокомментировали понятие “ностальгия”, их мысли можно обобщить следующим предложением иранского исследователя доктора Фатимы Гафури: “Поскольку “ностальгия” является латинским словом и психологическим термином, её персидский вариант – это печаль и воспоминание и сожаленье прошлым” [70, 104].

С опорой на понятие “ностальгия”, можно сказать, что она присутствует также в месневи Бедиля, но эта ностальгия непосредственно не связана с автором, а наблюдается в поведении героев произведений. В зависимости от того, что результаты ностальгии приносят пользу героям произведения или навредят им, мы именовали ностальгию на два вида: положительная ностальгия и отрицательная ностальгия.

Положительная ностальгия порождает гордость за богатое историческое прошлое своей страны. Если человек, встречаясь с трудностями или опасностями, думает о прошлом и сожалеет о потерянном времени и наряду с этим для устранения трудностей и опасности не предпринимает никаких мер, а только погружается в воспоминания, то это отрицательная ностальгия.

Месневи “Ирфон” является чисто познавательным произведением, поэтому каждый вид ностальгии, наблюдавший в поведении героев, имеет тесную связь с познанием и суфизмом. Так, Абульмаони в “Ирфоне” после описания пантеизма приводит рассказ, который полон печалью узнавания места одобрения и одобрение в словаре приводится в значении удовлетворённости, т.е. человек не должен требовать больше того, что дал ему Бог. Хотя в рассказе речь идёт о Кошоне и Индии, основной целью является порицание отсутствия удовлетворённости у суфия, выражающегося посредством той же ностальгии. Из слов суфия становится известно, что Кошон – это прошлое время, Индия – будущее время, а “кошони” – это намёк на мужчину, который отказался от правды и передал себя в руки страха и сомнения. Слова суфия, являющиеся в то же время словами Бедиля призывает кошони к узнаванию одобрения и отказу от печали неодобрения:

Каждый шаг в этом мире – приют для тебя,
Как покинешь, не останется место твоя.
Цель свечи – путешествие внутри себя,
Где откроешь глаза – там родина твоя [12, 55].

Месневи “Тилисми хайрат” – суфийское произведение и, естественно, что интеллектуальная печаль играет в нём стержневую роль. Центральный герой произведения – Душа является шахом страны Тела. Он, чтобы увидеть Красоту, преодолевает несколько долин, достигает границ самопознания и там Любовь даёт ему в руки зеркало. Шах видит в зеркале своё отражение, где он тонок, как волосок. Любовь говорит Шаху, что цель всех этих поисков – знакомить тебя с твоей правдой. Того, кого ты искал, был ты сам, а зеркало – твоя чистая душа.

Шах с восприятием правды связывается с бесцветным миром:

Своё истинное место увидев, узнал
Как конь гарцевал, он от себя ускакал,

Ушёл туда, где нет никакого места там,
Ни страх, ни сомнение не поместятся там [11, 258].

Таким образом, ностальгия как душевная и интеллектуальная болезнь во многих случаях становится причиной опечаленности и беспокойства, что подтверждается приведёнными рассказами. Что нужно делать, чтобы избежать отрицательную ностальгию? По убеждению Бедия, путник дороги суфизма должен дорожить сегодняшнюю жизнь, которая тоже пройдет:

*Сегодняшний день бесцветен.
Паланкин – страх, уловка – жест.
Дорожи сегодняшним днём,
Вмиг узнай о незнакомом [12, 80-81].*

Из месневи Бедия становится известно, что последователи суфизма ностальгию считают нежелательным явлением, а настоящее время, в котором можно что-то делать, считает первостепенным и предпочтительным.

Четвёртый параграф второй главы диссертации называется «**Избежная и неизбежная печали в месневи Бедия**».

Как было сказано, печаль и мучения делили и на другие виды. После размышления о том, что возникшая печаль была неизбежной или она результат нашего же деяния, и можно ли терпением своим остерегаться её или нет, этих чувства делили на две части: одну часть назвали неизбежной печалью, а другую часть – избежной. Например, старость, отсутствие достойного прошлого, смерть близких и т.п. – это неизбежные печали. Богатство и слава, отсутствие настоящих друзей и другие, от которых можно освободиться посредством устремлений и усилий и изменить свою жизнь – это избежные печали. В этой части диссертации мы попытались исследовать отражение этих видов печали в месневи Бедия.

Неизбежные печали – это такие печали, встреча с которыми неизбежны. Например, изгнание Адама из рая является неизбежной печалью.

Поиск достойного занятия и работы, хлеба насущного – неизбежная печаль. Это наблюдается во время совещания братьев после смерти суфия в месневи «Ирфон»:

*Пешеходы мы долины небытия,
В небытие живём, еле, молча дыша,
Дыхание наше отдаляет ото сна,
Занятие оставить очень тяжело нам.
Ищем груз, ведь мы словно большой караван,
Паланкины на пути, далее суета [12, 303].*

Потеря богатства и благ жизни – большая печаль для некоторых людей. Бедия эту тему в части «Масале ойинадор аст ин чо, - К-аз ту дар рохи ту хор аст ин чо (Зеркальная притча здесь, - В твоём пути от тебя колючка здесь) в месневи «Ирфон» излагает следующее:

*Мужик беспокойный нрав имел
Завидный яблочный сад имел.
Ворона из сада яблоко сорвала,
На высоком месте крыльями махала,
Скупой мужик за ней гнался,
Не догнав её, остановился.
От гнева и боли как-то еле дышал
Мир чернее вороны казался тогда [12, 336].*

Такая печаль, по мнению Бедилы, не должна привести к безнадёжности, так как можно избежать её:

*Работу потерял, но есть работа другая,
Другая Вселенная, доверие другое,
Вино имеешь, так за посуду не беспокойся,
Если разбилась чаша, она всего лишь глина.
Фруктов сада желаний немало,
То есть, и средств для наслаждений немало [12, 337].*

Хотя печаль присутствует во всех стихотворных жанрах Бедилы, в месневи «Тилисми хайрат» ей уделяется особое внимание и даже одна из действующих героинь этого произведения названа Печалью (Гам). Здесь уместно принести отрывок из «Тилисми хайрат», где описывает печаль сам Мирзо Бедиль. В этом месневи Печаль одна из шести обитателей порога Сердца:

*Шестая Печаль на пороге сердца прячется,
Как стон и рыдания и как кровь в рукавах,
Корявый лик надежды увеселения,
Лик Солнца затмение увеселения,
И в думах о ней утренний ветерок
Как остановившееся дыхание моё... [11, 76].*

Из отрывка с описанием Печали становится известно, что поэт не одобряет её, а называет её корявым ликом надежды и ликом затмения Солнца. В этом месневи выражается философский взгляд поэта на сотворение человека, на добро и зло, скрытое в его нраве, на соперничество между силами добра и зла, на освобождение от униженности и достижение вечного счастья.

Из приведённых примеров становится ясно, что в месневи Бедилы печаль, связанная с предначертанием, обеспечением быта и противоречиями во взглядах, является неизбежной и только нужно терпеть её. Другая мера освобождения от неё – философский взгляд на неё и открытие некой мудрости. От избежной печали в виде печали от бедности, слабости тела, утомлённости сердца, примеры которых нами приведено выше, можно освободиться особыми усилиями и изменением образа жизни.

Третья глава диссертации называется «**Факторы вызывающий грусть и её пределы в месневи Бедилы**» и состоит из 8 параграфов. В связи с тем, что Бедиль в своих месневи, особенно в «Ирфоне», особое внимание уделяет социальной несправедливости, её первый параграф «**Социальная несправедливость в качестве фактора вызывающего грусть**» посвящается исследованию этой темы.

Бедиль соблюдение справедливости считает главным условием бытия и осуждает гнёт и притеснение. По его мнению, гнёт включает в себя подлость, печаль, страдание, сожаление, боль и низменность. Человек, имеющий злой нрав, вместо благодарения Богу, использует свою силу для разрушения жизни и счастье других людей. Посредством своих рассказов он предостерегает людей от совершения зла.

Из приведённых рассказов становится ясно, что Абульмаони был знаком с болью простых людей и в зеркале поэзии хочет показать читателю злую натуру шахов и правителей своего времени. Хотя угнетатель занимает высокое положение в обществе, а возможности искателя справедливости ограничены, он мужественно борется с ним:

*Стон и вопли сердца – не холодный угар,
Небо не глухо – если ты не услышал,
Если угнетаешь каждое лицо,
Мсть угнетённых ожидает тебя [12, 520-521].*

Чтоб не слышать стон угнетённых, угнетатели прикидываются неведением. Бедиль вздохи угнетенного сравнивает с пламенем, сжигающим дворец и трон правителей-тиранов.

Второй параграф третьей главы называется «**Алчность, жадность и стремление к богатству как факторы вызывающие грусть**» и включает в себя исследования мыслей Бедилья, которые связаны с особенностями алчности и жадности, которые вызывают грусть.

Алчность и жадность, по мнению Бедилья, относятся к нравственным болезням, возбудителем боли и печали. Признаки этой болезни выявляются тогда, когда человек не удовлетворяется малым и стремится к достижению большого богатства.

Печаль, связанная с потерей богатства и мечта о большом его накоплении в месневи «Ирфон» наблюдается тогда, когда дети суфия совещаются вокруг проблемы выбора профессии и ремесла и один из братьев на первое место ставит золото и богатство.

Накопление богатства, которого воспевают и агитирует первый брат, осуждается вторым братом, так как приводит человека к ненужной печали:

*Рубин и яхонт открылись когда,
Изрубленное сердце трепетало тогда.
Нет жемчуга, кроме узла страха,
Жемчуг здесь – разбитое сердце обмана [12, 435].*

Мечта о богатстве на первый взгляд кажется одобряемой, но ради неё нельзя превращать свою жизнь в мучения и страдания. Богатство, оказываемое в руках богачей, является результатом больших страданий и мучений. Человек в жизни должен довольствоваться малым и жить честно и праведно. Богатство богачей – это результат алчности и жадности и обладатель богатства находится в состоянии постоянного страха от его потери.

В **третьем параграфе** этой главы, который называется «**Недостойное поведение как средство печали**» мы передали мысль Бедилья о том, что недостойное поведение также является одним из основным факторов, вызывающий грусть.

В месневиях Абульмаони основным фактором печали является безнравственность. Вкратце слово «нравственность» отражает одобряемое поведение и соответствующий ход в делах. Безнравственность присуща людям, которые считают себя особыми и требуют, чтобы народ по-другому относился к ним. Она становится фактором печали, так как человек не может быть оценен другими людьми и от этого испытывает душевные муки.

Тема не соблюдения нравственности и на этой основе печалиться в произведениях Абульмаони повторяется в каждом удобном случае. Например, Бедиль результат безнравственности Мансура с неизбежной его казнью описывает в следующем бейте:

*В поисках этого бесследного сияния
Видение для приносящих в жертву себя [11, 509].*

Другим видом недостойного поведения, который может стать причиной возбуждения печали и скорби, является сомнение. Согласно суфизму, сомнение приводит последователя суфизма к заблуждению и Абульмаони как суфий всегда неодобрительно относился к нему. Исследования показали, что в месневи Бедилья сомнение становится причиной возникновения боли и печали и нежелательных результатов. Эта мысль излагается в рассказе «Киссаи мункири меърочи наби – Ки чи пеш омадаш аз табъи габи» (Рассказ об отрицании вознесения пророка на небо – И что стало с его глупым нравом). В этом рассказе некий человек страдает из-за своего неверия, но в итоге признаёт истину и пророк с указанием на то, что какой вред может приносить сомнение, повелевает:

*Хадис пророка отрицал,
О праве своём изведал [12, 949].*

Другими неодобряемыми деяниями, становящимися причиной горестности являются преувеличение и приуменьшение. Преувеличение и приуменьшение, как противники равновесия, являются причиной беспорядков, боли и страданий людей. Особенно, в наше время, когда различные философские и религиозные течения экстремистского направления влияют на мировоззрение молодёжи, слова Абульмаони приобретают особое значение:

*Взгляд на вещи, как весны проявление,
Косое преувеличение и слепое уменьшение [11, 282].*

Наравне с другими факторами, Бедиль испытание считает одним из элементов, вызывающих грусть. **Четвёртый параграф** третьей главы называется «**Испытание и его роль в возникновении печали**» и охватывает эту тему.

С темой трудности испытания мы встречаемся в части «Чоми юнуса» (Чаша Юнуса) месневи «Мухити аъзам», где там Бедиль рассказывает о пророке Юнусе. Согласно исламским преданиям, некоторое время провёл в чреве акулы, но все эти трудности посчитал испытанием Бога и стал раскаиваться и наслаждался Божьей любовью:

*Как Юнус о наслаждениях стал осведомлён,
Чрево акулы стало увеселительным местом.
Настроение его волнения удивляет нас,
В унижение оказался и вознёсся в небо [11, 245].*

Человек посредством испытания отражает свою внутреннюю, объективную сущность и в результате этого становится явным, что его счастье или несчастье не без основательно. Испытание – это зеркало, которое показывает наше «мы» на самом деле, определяет наши достоинства и недостатки. С опорой на исследование, проведенное в этом направлении, каждому человеку необходимо при скорби и печали набраться терпения и выйти из такого положения.

Пятый параграф третьей главы называется «**Незнание и заблуждение в качестве двух факторов вызывающие грусть**».

Незнание, в результате которого человек попадает в трудное положение, связано с рассказом, приведённым в месневи «Ирфон» устами четвёртого сына суфия. До начала рассказа Абульмаони при воспевании науки и мудрости человека сравнивает с пальмой, а плод совершенства человека – науке:

*Человечество – плод цветения науки,
Это картина признания его науки.
Когда же эта пальма принесёт результат,
Извещение о весне науки передаст [12, 578].*

Абульмаони, приведя рассказ об Искандаре, которого не оставляла в покое дума о смерти и приводит пример о жизнедеятельности пророка Идриса, советует читателю устранить мысли о смерти посредством учения и знаний. Он считает человека пальмой, а знание – её плоды. Одной из человеческих миссий является тяга к науке, так как посредством науки человек познаёт истину и смысл жизни. Поскольку Бог является выразителем знания и осведомленности, то человек, имеющий положение калифа Бога, обязан стремиться к достижению науки и открытию тайн мира и вселенной. Живая вода – не более чем сказка тайна вечности человеческой жизни и освобождение от печали о смерти скрыты в науке.

Одним из факторов вызывающий грусть в месневи Бедилия является заблуждение. Заблуждение – это забывание и неведение. В «Мухити аъзам» простой человек как пыль и заблуждение сравнивается с морем забвения. По мнению Абульмаони, человек – это пыль и когда она бездействует, волна тайфуна моря заблуждения притягивает его к себе:

*Волна тайфуна достигла племени того,
Чтоб успокоиться пыли в воде глубокой,
Заблуждением достигается небытие.
Огнём, пламенем зажжётся хворост
Лучше заблуждения – небытие,
И страх лучше звука глухого [11, 244].*

Тайфун Ноя, по мнению Бедилия, расплата народа за своё неведение о справедливости и истине и подчёркивает, что люди не только на том и на этом свете должны расплачиваться за своё заблуждение, так как они сожалеют об утраченных благ.

Шестой параграф данной главы называется «**Любовь и печали, относящиеся к ней**» и посвящается исследованию горевозбудительных свойств любви.

В «Чоми юсуфи» (Чаша Юсуфа), занимающий одну из частей месневи «Мухити аъзам» Абульмаони рассказывает о печалих Якуба, о любовных муках Зулейхи, о совершенной красоте Юсуфа и притеснения его братьев и подчёркивает, что сильное чувство может стать причиной допустимых и недопустимых печалей:

*Следы плутовства и коварства красоты это,
Сияние её – ответ на красоту и месть.
Чаша ожидания в руках Якуба,
Братьям – безумство, а весна – Зулейхе [11, 251].*

Бедиль любовь считал божественным сиянием, а боль желания – сотворящим и сжигающим, и тот, кто отрицает это, опечалится, как летучая мышь из-за вражды с солнцем, оказывается в плену печали:

*Хорошо, что он от разума братьев далёк,
Как летучая мышь он навечно ослеп,
Отсюда ясно, что то чистое сияние
Иногда даёт жизнь, а иногда даёт смерть [11, 251].*

В «Ирфон» приведено немало рассказов о любовных муках, а лучшим образцом является «Комде и Мадан», которого Бедиль сочинил под названием «В этой удивительной повести – о Комде и Мадане пришло воспоминание». Абульмаони в этой повести осуждает тех, кто предлагает испытания влюблённым для увеличения их душевных мук:

*Эй погибель от позора,
Не испытай верный народ.
Дыхание верности – безумство,
В диком мире – пери логово [12, 782].*

Итак, любовная печаль – самое чистое и священное человеческое чувство, ради которой создается мир и человечество. К сожалению, не каждый готов испытать любовные муки, поэтому некоторые люди неодобрительно относятся к этому дару Бога. Читатель после прочтения любовных историй в месневи Бедиля заключает, что только верностью и терпением можно добиться успеха в любви, так как предстоящие трудности могут приводить к скорби, печали и неудаче легкомысленного человека.

Седьмой параграф третьей главы называется «**Связь печали с судьбой**».

Проблема подчинения судьбе является ключевой проблемой в суфизме. По мнению Бедиля, человек должен подчиниться Богу и это подчинение – одобряемое, так как каждый, кто выступает против Бога и его воли, окажется в состоянии беспокойства и сумасшествия. Польза страха перед Богом заключается в том, что человек, кроме того высокого порога, не преклоняет колени перед никакой проблемой.

В «Тилисми хайрат» подчинение судьбе признаётся необходимым в любви. Здесь Абульмаони всякую пользу и вред считает бесполезными, а подчинение судьбе – единственным средством достижения счастья и оставления боли и печали:

*В этом тленном мире нет пользы и вреда,
Кроме покорения нет другого средства.
Сущность характера абстракции здесь,
Покорение – понятие здесь [11, 196].*

Покорение и согласие заставляет суфия исследовать свой внутренний мир, не быть беспокойным и печальным, отказаться от протеста. Каждый человек должен знать, что люди не имеют одинаковую судьбу и если судьба сталкивает нас с трудностями, то может её средствами испытывается её могущество и терпение. По мнению Абульмаони, если человек с ног до головы украшен жемчугами мастерства, если не подчиняется судьбе, препятствия в его делах всё ещё останутся. Поэтому неповиновение судьбе неблагородное дело, становится причиной бесполезных усилий и стремлений и завершается печалью и горем.

Неудача и успех в делах, по мнению народа, зависит от судьбы (предначертания). Успех народ считает счастьем, что означает обращения счастья и благополучия к человеку. Несчастливым является тот, кого постигнет неудача. В месневи «Ирфон» в двух случаях упоминается счастье. Один из них передаётся в известной поэме «Комде и Мадан», другой – в сказании о шахе, который после потери трона скрывается в чужом краю.

Во втором сказании хотя шах скрывает от всех, что он шах, но по причине верной службы, которая становится основой счастья, вновь восседает на трон, и более не чувствует одиночества:

*Но следы наслаждения счастьем –
Суть славы во всех случаях так.
Шахский перстень судьбою дан
Хотя в чернило окутан как-то.
Та чернота – не несчастье,
А белизна означает счастье [12, 696].*

Отсюда логически можно заключить, что если суть счастья – слава, шахский перстень и белизна, то несчастье – безызвестность «бедность», злополучие. Вероятно, возникнет вопрос: счастье извечно или результат какого-то деяния? Конкретное указание Абульмаони здесь отсутствует, однако ход мыслей в этих двух сказаниях свидетельствует о том, что счастье сопутствует человеку, имеющего особые нравственные качества. Так, в поэме «Комде и Мадан» Бедиль счастье считает результатом скромности и дальновидности:

*Что такое счастье? Быть дальновидным,
Иметь небо над головой, землёю быть [12, 745].*

Усилия также путь, посредством которого можно добиться счастья:

*Там, где проявит усердие человек,
Великого льва побеждает муравей,
Усилия человека всегда
Приносят ему большего счастья [12, 748].*

В месневи Бедия фактором вызывающие грусть также являются слабость и беспомощность, и мы **восьмой параграф** третьей главы, который называется «Горевозбуждение слабости и беспомощности», посвятили этой проблеме.

Печаль возникает и в том случае, когда смысл невозможно передать словами или для выражения мысли беспомощен язык, что присуще великим мыслителям, а другим людям не имеет никакого отношения. Эта проблема, которая тревожит великих людей и причиняет им душевные страдания, встречается не только в месневи Бедия, но и в произведениях таких великих поэтов-суфиев, как Санои и Мавлави.

В месневи «Тилисми хайрат» приводятся указания на слабость и беспомощность слова из наблюдений суфия:

*Картину звучания воссоздать
Невозможно, как её потерять.
Неявное стало явью, поиск потерян,
Возникло молчание, разговор потерян [11, 221].*

Согласно упомянутому бейту, если суфий хочет передать словами созерцательное наблюдения, то при изложении допустит ошибку. Это подобно тому, когда мы наблюдаем некоторые вещи, но при их изложении используем совсем другие слова. Вероятнее всего, в этом и заключается печаль суфиев в изложении Божественной истины.

Конечной целью суфийского учения является соединение с Богом и познания истины, которая должна быть скрыта от других людей, так как её невозможно объяснить словами. Поэтому не должен суфий расстраиваться по этому поводу. Средство устранения печали – молчание, безмолвие.

Исследование понятия «печали» и факторы вызывающие грусть в месневи Бедия привело нас к следующим **выводам**:

1. Из глубокого исследования темы становится известно, что печаль с самых древних времён занимала важное место во всех устных и письменных произведениях. Боли и страдания считаются неотъемлемыми частями жизни людей, и философы ещё с начала цивилизации пытались правильно определить сущность этих понятий [1-А].

2. В ходе исследования мы пришли к следующему выводу: многие факторы, в частности социальная несправедливость, чужбина, любовь, принятие чужой боли

как собственную боль и иногда нездоровая творческая конкуренция создают условия для постоянного присутствия печали в художественном слове [1-А].

3. Поскольку наше исследование охватывает тему печали в месневи Абдулькадыра Бедиля и с учётом того, что поэт является как представителем мира поэзии, так и представителем суфизма (мистицизма), мы исследовали присутствие печали в обоих аспектах. Определяя взгляды представителей суфизма к печали и боли, мы заключили, что печаль в суфизме имела важное значение. Представители суфизма делили печаль на восхваляемые и порицаемые (осуждаемые) и каждый из них в рамках учения Корана, пророческих хадисов и с позиции суфизма выражали своего отношения [1-А].

4. Связь творчества Бедиля с печалью достигла такого уровня, что одна из героинь месневи «Тилисми хайрат» названа Печалью. «Тилисми хайрат» считается первым месневи поэта и, опираясь на него, можно сказать, что Абульмаони ещё с юных лет уделял особое внимание необычному влиянию печали на человеческую душу [1-А].

5. Исследуя боли сердца под одним общим термином «печаль», мы классифицировали их следующим образом:

- приемлемые печали и неприемлемые печали;
- избежные и неизбежные печали;
- ностальгия и её виды.

Размышляя над месневи Абдулькадыра Бедиля, мы исследовали их присутствие в творчестве этого поэта. В избранных отрывках мы находим, что Бедиль как истинный представитель суфизма печаль, связанную с переходом в загробный мир, приемлемой и по этой причине герои двух его больших по объёму произведений («Ирфон» и «Тилисми хайрат»), охваченные красивой печалью, покидают этот мир. Неприемлемые печали также наблюдаются в месневи Абульмаони, и мы из его рассказов привели некоторые примеры неприемлемой печали [5-А].

6. Вторая группа печалей, которую мыслители делят на избежные и неизбежные, открывается перед читателями в месневи Абульмаони.

Исследуя эту часть работы, можно заключить следующее: если печаль человека связана с судьбой, обеспечением жизни, противоречием во взглядах и т.п., то их нельзя избежать и в этих случаях от человека требуется терпение, выносливость. Однако, проявив усилия, можно избежать печалей, связанных с отсутствием богатства, болезнью, тунеядством, неимением достойного места в обществе и т.п. [4-А].

7. Кроме приемлемой и неприемлемой, избежной и неизбежной печалей, в месневи Бедиля сталкиваемся с другой печалью, которую психологи называют «ностальгией». В персидском языке синонимами «ностальгии» являются «хасрати гузашта» и «гами гурбат». По своим особенностям ностальгия делится на два вида: «интеллектуальная ностальгия» и «объективная ностальгия». Интеллектуальная ностальгия заключается в том, что человек под её влиянием раздумывает о своей подлинной сути, которая выражается в любви к Богу. Бедиль положительно относится к интеллектуальной ностальгии, так как, на взгляд представителей суфизма, каждый человек должен быть охвачен интеллектуальной ностальгией.

Второй вид ностальгии – объективная ностальгия от интеллектуальной ностальгии отличается тем, что герой повести, охваченный ею, думает о своей Родине, о своём месте жительства, о близких ему людях. Хотя Абульмаони боли и

страдания, связанные с разлукой с близкими людьми, считает тяжёлым страданием, однако, с его философской точки зрения, их он превращает в источник утешения. На взгляд мыслителя, разлуку и объективную ностальгию осведомлённый человек может принимать как средство узнавания любви и гордиться этой осведомлённостью [3-А].

8. В месневи Бедиля факторы печали различны, часть из них – дар судьбы, другая часть – результат неправильного поступка, которого человек совершает осознанно или неосознанно [1-А].

9. К числу первых горевозбудительных факторов относят социальную несправедливость, которая легко сталкивает каждого человека с болью и печалью. На взгляд Абульмаони, гнёт включает в себя подлость, печаль, страдание, боль, сожаление и другие отвратительные стороны этого мира [1-А].

10. Жадность, алчность и стремление к богатству также являются горевозбудительными факторами. Жадный, алчный человек не только страдает сам, но и других людей осознанно или неосознанно вовлекает в боль и печаль [1-А].

11. Осуждая недостойное поведение, связанного с гордыней и невоспитанностью, Бедиль убеждён в том, что невоспитанный человек, если даже имеет необыкновенный талант, в своих желаниях не может достичь положительного результата и всегда будет находиться в оковах боли и печали [1-А].

12. Различные испытания, с которыми сталкивается человек в своей жизни, иногда порождают печаль. Освобождения от печали Бедиль видит в терпении и выдержке, в философском взгляде на мир [1-А].

13. Незнание и неведение также являются причинами возникновения печали. На взгляд Бедиля, так как Бог – проявитель знания и осведомлённости, человек тоже в качестве калифа Бога должен стремиться достичь эти качества и освободиться от незнания и неведения, порождающих боли и страдания [1-А].

14. Несмотря на то, что поэты суфизма, в том числе Бедиль, любовь считают самым чистым и священным чувством человека и причиной творения мира и человека, не оставили без внимания её горевозбудительную особенность. По мнению Бедиля, человек только в том случае может добиться любви, если стойко и терпеливо переносит боль и страдания, так как возникающие трудности ветреного, легкомысленного человека вовлекает в горе и печаль [1-А].

15. На взгляд Бедиля, отсутствие успеха в делах, опечаливающие сердца различных людей, является результатом слабости, малоподвижности и неправильного выбора цели в жизни. Человек посредством достойного поведения, предусмотрительности и правильного выбора профессии и ремесла может освободиться от жизненных невзгод [1-А].

Таким образом, по мнению Бедиля, хотя в жизни невозможно жить без печали и скорби, человек с помощью разума и своего жизненного опыта должен добиваться высот жизни и рвением, усердием счастливо жить в этом мире.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ СТАТЬЯХ:

I. Монография:

[1-А]. Салимиён О.С. Понятие «печали» и горевазбудительных факторов в месневи Мирзо Абулькадыра Бедиля. – Душанбе, 2021. – 176 с.

II. Статьи, опубликованные в научных изданиях, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан:

[2-А]. Салимов М.С. Поэт с проблемной поэзией и жизнью // Салимов М.С. / Вестник Курган-Тюбинского государственного университета имени Носира Хусрава. Научный журнал (серия гуманитарных и экономических наук). - Курган-Тюбе, 2017. - №1/3 (47). - С.10-18. (на тадж.яз.).

[3-А]. Салимов М.С. Бедил о ностальгии // Салимов М.С. / Вестник Курган-Тюбинского государственного университета имени Носира Хусрава. Научный журнал (серия гуманитарных и экономических наук). - Бохтар, 2018. - №1/2 (53). - С.37-40. (на тадж.яз.).

[4-А]. Салимов М.С. Неизбежная тоска в поэмах Бедиля // Салимов М.С./ Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Научный журнал (серия гуманитарных и экономических наук). – Бохтар, 2019. -№1/3 (65). - С.78-82. (на тадж.яз.).

[5-А]. Салимиён О.С. Избегаемая печаль в месневи Бедиля // Салимиён О.С. / Вестник Таджикского национального университета. Научный журнал (серия филологических наук). -Душанбе. -2019. -№8. -С.205-207. (на тадж.яз.).

III. Статьи в других научных изданиях:

[6-А]. Салимов М.С. (Озар) Печаль самопознания в произведениях Бедиля Дехлеви и Икбола Лахури // Салимов М.С. (Озар) / Журнал «Рудаки». Серия языковых и литературных исследований в Средней Азии, период 16. -№45. Осень и зима 1399 г. - Стр. 61-75. (на тадж.яз.).

[7-А]. Салимов М.С. Тема справедливости в стихах Бедиля // Салимов М.С. / Учебно-познавательный журнал «Мактаб». – Душанбе, 2017. - №9. - С. 45-48 (на тадж.яз.).

[8-А]. Салимов М.С. Бедиль и литературная среда его времени // Салимов М.С. / Учебно-познавательный журнал «Мактаб». – Душанбе, 2018. - №4. - С. 39-41 (на тадж.яз.).

АННОТАТСИЯ

ба автореферати диссертатсияи Салимиён Озар Саидзод дар мавзӯи “Мафҳуми «ғам» ва омилҳои ғамбарангез дар маснавиёти Мирзо Абдулқодири Бедил”, барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филологӣ аз рӯйи ихтисоси 10.01.01 – Адабиёти тоҷик.

Калидвожаҳо: ғам, мафҳуми ғам дар маснавиҳои Бедил, ғамҳои раво ва нораво, омилҳои ғамбарангез, ғамҳои гурезпазир ва гурезнопазир.

Диссертатсияи мазкур дар адабиётшиносии тоҷик аз нахустин қорҳои илмиест, ки ба таҳқиқу баррасии мафҳуми ғам дар маснавиҳои Мирзо Абдулқодири Бедил бахшида шудааст.

Диссертатсия аз муқаддима, се боб, хулоса ва китобнома иборат мебошад. Дар бобу бахшҳои диссертатсия масоили гуногуни ба мавзӯи марбут, аз қабилҳои собиқаи мавзӯи ғам дар адёну асотир ва илму адабиёти бадеӣ, тобишҳои гуногуни маъноии мафҳуми ғам дар маснавиҳои Бедил, омилҳои ғамбарангез ва ғоятшиносии онҳо аз нигоҳи Бедил мавриди пажӯҳиш қарор гирифтаанд.

Мафҳуми “ғам”, ки аз замонҳои хеле пеш дар тамоми осори хаттиву шифоҳӣ мавқеи намоён доштааст, дар осори шоирони форсигӯ, аз ҷумла Бедил, аз мавзӯи ва мафҳумоти ҷовидонӣ буда, аз тобиши фаровон бархӯрдор аст, ки обишхӯри онҳо масъалаҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ, фарҳангӣ ва назари инҳо мебошанд. Омилҳои зиёде ба мисли ноадолатиҳои иҷтимоӣ, ғурбат, ишқ, дарди дигаронро чун дарди худ пазируфта ва гоҳе рақобати носолими эҷодӣ барои ҳузури доимии он дар каломҳои мавзун замина фароҳам сохтааст.

Ғам ё худ ҳузн дар тасаввуф аз аҳамияти вижае бархӯрдор мебошад ва ирфонро бидуни он тасаввур қардан ғайримумкин аст. Урафо ҳузро ба ду навъ - ҳузни мазмун ва мамдӯх қисмат намуда, ба ҳар кадоми он муносибати худро дар доираи таълимоти Қуръон, аҳодиси набавӣ ва дидгоҳи ирфонӣ ба роҳ мондаанд. Офарандаҳои Мирзо Абдулқодири Бедил, хусусан маснавиёти ӯ, ки идомаи муваффақонаи назми баланди бузургони адабиёти форсӣ, беш аз ҳар мавзӯе ба мавзӯи ранҷу дард алоқа доранд. Ғам, ки бо иттифоқи назари ҳамаи андешамардон ба ғамҳои гурезпазир ва ғамҳои гурезнопазир ҷудо мегарданд, бо андак тааммул дар маснавиёти Абулмаонӣ чехраи худро барои хонандаи хушманд боз менамоянд. Агар заминаи анғезаи ғами инсон сарнавишт, таъмини обу нон, ихтилофи ақоид ва монанди инҳост, гурез аз онҳоро бояд номумкин донист ва чораи онҳо сабру шикебоист. Аммо аз ғамҳои гурезпазире назари ғами сармоя, заъфи бадан, коҳилӣ, надоштани ҷойи муносиб дар ҷомеа ва амсоли онҳо метавон дар натиҷаи талошу ҳаракат раҳой ёфт.

Дар маснавиҳои Бедил авомили гуногуни ғамзо баён гардидаанд, ки хирсу тамаъ, тавачҷух ба сарват, ифроту тафрит, ғафлат, дода шудан ба шакку тардид, худбартарбинӣ, нодонӣ, созиш нақардан ба қисмат, гирифтӣ шудан ба имтиҳонот, тақлиди ноҷо, ноадолатиҳои иҷтимоӣ, адабношиносӣ, коҳилӣ, афсурдагӣ, танбалӣ ва монанди инҳо аз ҷумлаи ин омилҳои ғам гуногун буда, қисмате аз онҳо атои сарнавиштанд ва қисмати дигарашон пайомади кирдори носавобест, ки инсон онҳоро гоҳ огоҳона ва гоҳ бидуни огоҳӣ содир менамояд. Мақсуд аз таҳқиқи авомили ғам дар он аст, ки инсонҳо бо баҳрагирӣ аз натиҷаи онҳо битавонанд бо андешидан аз пайомади хубу нохуб гомҳои худро дар зиндагӣ дуруст бигзоранд.

АННОТАЦИЯ

на автореферат диссертацию Салимиёна Озара Саидзода на тему «Понятие «печали» и горевозбудительных факторов в месневи Мирзо Абулькадыра Бедиля», предложенную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Таджикская литература.

Ключевые слова: печаль, понятия печали в месневи Бедиля, одобряемая печаль и неодобряемая печаль, факторы печали, избежная и неизбежная печаль.

Данная диссертация является одной из первых научных работ, посвящённых исследованию понятия печали в месневи Мирзо Абулькадыра Бедиля.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. В главах диссертации подвергнуты исследованию различные вопросы, связанные с темой, в частности отражение темы печали в религиозной, мифологической и художественной литературе, различные семантические оттенки понятия печали в месневи Бедиля и их горевозбудительные факторы.

Понятие «печаль» с древних времён занимает видное место во всех устных и письменных произведениях. В произведениях персоязычных поэтов, в том числе Бедиля, как вечное понятие, обладает различными оттенками и отражает социальные, экономические, культурные проблемы и т.п. Многие факторы, как социальная несправедливость, скитание, любовь, переживание чужой боли, нездоровая творческая конкуренция создают предпосылки для постоянного присутствия этой темы в художественном слове.

Печаль в суфизме имеет особое значение и невозможно представить суфизм без её присутствия. Суфии печаль делят на две части: одобряемая печаль и неодобряемая печаль и выражают своего отношения к каждой из них в рамках учения Корана, пророческих хадисов и видений суфизма. Творения Мирзо Абулькадыра Бедиля, особенно его месневи, являются успешным продолжением высокой поэзии персидской литературы, и более, чем другие темы имеют тесную связь с темой печали и боли. Печаль, на взгляд всех мыслителей, делится на избежные и неизбежные, которые открываются перед пронизательным читателем в месневи Абульмаони. Преднамерение, обеспечение водой и хлебом, противоречивость во взглядах и т.п. относятся к неизбежным печалям, их можно преодолеть только терпением. Избежные печали – это печаль о богатстве, слабости тела, лени, отсутствии достойного места в обществе и т.п. От них можно освободиться в результате особых усилий и стараний.

В месневи Бедиля изложены различные горевозбудительные факторы, к которым относятся: алчность и жадность, внимание к богатству, преувеличение и преуменьшение, сомнение и колебание, самомнение, неведение, несогласие с преднамерением, подвергание испытаниям, недозволенное подражание, социальная несправедливость, невоспитанность, лень, утомлённость (апатия) и т.п. В целом, факторы печали различны, часть из них связана с преднамерением, а другая часть – с результатом недостойного поведения, которого иногда умышленно, а иногда неумышленно совершает человек.

Цель исследования факторов печали заключается в следующем: человек должен делать правильные выводы в своей дальнейшей жизни.

ANNOTATION

for an abstract the dissertation of Salimiyon Ozar Saidzoda on the topic "The concept of" sadness "and painful factors in the mesnevi of Mirzo Abulkadyr Bedil, proposed for the degree of candidate of philological sciences in specialty 10.01.01 - Tajik literature.

Key words: sadness, concepts of sadness in Bedil's mesnevi, approved sadness and disapproved sadness, sadness factors, avoidable and inevitable sadness.

This dissertation is one of the first scientific works devoted to the study of the concept of sadness in the mesnevi of Mirzo Abulkadyr Bedil.

The dissertation consists of introduction, three chapters, conclusion and the list of references. In the chapters of the dissertation, various issues related to the topic are explored, in particular, the reflection of the topic of sadness in religious, mythological and fictional literature, various semantic shades of the concept of sadness in Bedil's mesnevi and their painful factors.

Since ancient times, the concept of "sadness" has featured prominently in all oral and written works. In the works of Persian-speaking poets, including Bedil, as an eternal concept, it has various shades and reflects social, economic, cultural problems, etc. Many factors, such as social injustice, wandering, love, the experience of someone else's pain and unhealthy creative competition created the preconditions for the constant presence of this theme in the artistic word.

Sadness in Sufism has a special meaning and it is impossible to imagine Sufism without its presence. Sufis divide sorrow into two parts: approved sorrow and disapproved sorrow, and express their attitude towards each of them within the framework of the teachings of the Koran, prophetic hadith and visions of Sufism. The works of Mirzo Abulkadyr Bedil, especially his mesnevi, are a successful continuation of the high poetry of Persian literature, and more than other themes have a close connection with the theme of sadness and pain. Sadness, in the eyes of all thinkers, is divided into avoidable and inevitable, which open up to the discerning reader in the mesnevi Abulmaoni. Destiny, provision of water and bread, contradictory views, etc. refer to inevitable sorrows, they can only be overcome with patience. Avoiding grief is grief about wealth, weakness of the body, laziness, lack of a worthy place in society, etc. You can get rid of them as a result of special efforts and efforts.

Bedil's message sets out various painful factors, which include: greed and greed, attention to wealth, exaggeration and understatement, doubt and hesitation, conceit, ignorance, disagreement with the destiny, being tested, unlawful imitation, social injustice, bad manners, laziness, fatigue (apathy) and etc. In general, the factors of sadness are different, some of them are associated with the destiny, and the other part - with the result of unworthy behavior, which sometimes deliberately and sometimes inadvertently committed by a person.

The purpose of the study of the factors of sadness is the following: a person must draw the right conclusions in his later life.